

Эрик Фрэнк Рассел

Безумный мир

Эрик Рассел
Безумный мир

Рассел Э. Ф.

Безумный мир / Э. Ф. Рассел —

Содержание

1	5
2	12
3	21
4	31
5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Безумный мир

1

О начале 2032 года возвестил взрыв семнадцатого космического корабля «Земля – Марс». Взрыв был самый что ни на есть заурядный, и тем не менее это событие вызвало некоторый переполох. Для сенсации имелись две причины. Во-первых, ничего более выдающегося на первые полосы газет в тот момент не нашлось. Во-вторых, в ракете находился человек. Предыдущие шестнадцать неудач уже научили публику не удивляться таким случаям. Обыватель воспринимал каждое известие о катастрофе марсианской ракеты точно так же, как довольно частые, несмотря на официальные заверения, сообщения о падении самолетов. Из шестнадцати провалов восемь пришлось на долю американцев, пять – русских, по одному – англичан, французов и канадцев; всеми кораблями управляли автоматы. Долларов сгорело в избытке, но человеческих жертв до сих пор не было.

Общественное мнение, реагируя на повторяющуюся перед каждым запуском шумиху, перебирало возможные причины постоянных неудач. И нашло две: либо инженеры не столь непогрешимы, как считается, либо имел место искусный саботаж со стороны некоей международной диверсионной организации, поставившей перед собой задачу не допустить ракеты на Марс. Официальная пропаганда усиленно пережевывала вторую версию, причем не столько потому, что власти придерживались ее сами, сколько для того, чтобы отвлечь внимание от первого, гораздо более опасного для них предположения. И те, кто попался на эту удочку, упорно искали возможных диверсантов.

Поскольку на этот раз обратились в пыль триста миллионов рублей и вместе с ними русский космонавт Микитенко, диверсия не могла быть делом рук самой России. Следовало найти какую-то другую причину, и налогоплательщик, на собственной шкуре испытавший достижения науки, опять обратился к первой версии. Нужно добавить, что подобным умонастроением немало способствовала болтовня леваков и безответственных теоретиков об уничтожении капиталистами излишков продукции. Это напугало людей. Обычно безропотный Джон Доу представил, как его кровные деньги горят в огне, и завопил во весь голос.

Такой была ситуация, когда Джон Дж. Армстронг читал в «Геральд» статью профессора Мэндла. Согласно его теории. Марс окружала смертоносная электромагнитная оболочка, радиус которой менялся со временем и составлял примерно от десяти до двенадцати тысяч миль. Гипотеза, однако, основывалась на довольно скудной информации.

Армстронг был плотным, широкоплечим мужчиной в твидовом костюме и ботинках на толстой подошве. Мышление его отличалось осмотрительностью и взвешенностью. В жизненных состязаниях он чаще всего приходил к финишу в числе первых, и делал это с такой же обманчивой неторопливостью, как железнодорожный локомотив, хотя и менее шумно.

Спинка кресла прогнулась до предела под его весом в две сотни фунтов. Он взгляделся в мерцающий экран телевизора. На экране проецировалась та самая страница из «Геральд», которая заварилась в его голове кашу из всевозможных теорий.

Наконец он набрал номер Мэндла. На экране появилось лицо профессора, молодое, смуглое, в обрамлении курчавых волос.

– Не думаю, что вы меня знаете. Меня зовут Джон Дж. Армстронг, – сообщил он Мэндлу. – Я имею отношение к ракете номер восемнадцать, которая строится сейчас в Нью-Мехико. Закончат ли ее вообще – вопрос сложный, пресса завывает на эту тему, как стая волков, а если эстафету подхватит Конгресс, нам, скорее всего, придется бросить эту затею и заняться чем-то другим.

– Да, я в курсе. – Лицо Мэндла выразило сочувствие.

– Я прочел вашу статью в сегодняшней «Геральд», – продолжал Армстронг. – Если ваша теория не высосана из пальца, корабль можно смело сдавать в утиль. Поэтому я хотел бы задать вам пару вопросов. Первый: известными вам способы, посредством которых можно измерить параметры этого слоя, не губя корабль? И второй – как вы считаете, можно ли вообще преодолеть это препятствие? – Он помолчал и добавил: – Или Марс останется для нас недоступным на веки вечные?

– Теперь слушайте, – ответил Мэндл. – Информация, переданная искусственными спутниками, однозначно доказывает, что вокруг Земли существует ионизированный слой. Вокруг Марса может существовать похожий слой, но необязательно идентичный земному. О его природе можно лишь догадываться. Из семнадцати кораблей одиннадцать взорвались на расстоянии десяти – двенадцати тысяч миль от планеты, то есть преодолев девяносто пять процентов пути. Как вы сами понимаете, для простого совпадения это слишком. Мы имеем дело с некоей закономерностью...

– Хм! – пробурчал Армстронг. – Остальные шесть так далеко не проникали, а два вообще взорвались на старте...

– Следует учитывать человеческий фактор, дефекты в конструкции, низкую квалификацию, ошибки в расчетах и прочее, и прочее. Все ракеты были без экипажей, ведь мы все еще продвигаемся к цели на ощупь, методом проб и ошибок. Я считаю, что даже при объединенных усилиях всей планеты первые корабли были обречены на гибель, причем задолго до того, как они достигли окрестностей Марса.

Армстронг поскреб подбородок волосатой рукой.

– Что ж, может, и так. Но они легко преодолели слои Эплтона и Хевисайда, спокойно перенесли скачок температуры и интенсивности космических лучей, так почему они должны взрываться в этом марсианском слое, даже если он и существует?

– Потому что он другой. – В голосе Мэндла появились нетерпеливые нотки. – Может быть, он провоцирует спонтанный распад топлива или корпуса корабля. Но это не очень корректное допущение. Скорее можно предположить, что он вызывает столь интенсивный перегрев, что корабль вспыхивает, как врезавшийся в атмосферу метеор. И если причина тому – какое-то неведомое поле вокруг планеты, то выхода я пока не вижу. Но если дело всего лишь в трении, тогда барьер можно преодолеть, просто снизив скорость.

– Этот восемнадцатый корабль задуман как пилотируемый, – мрачно заметил Армстронг. – Камикадзе по имени Джордж Куин намерен обосноваться в его носовой части. Нам не хотелось бы, чтобы он поджарился. Что же делать? Мэндл колебался, о чем-то размышляя. – Единственное, что можно сделать... – медленно произнес он, – нужен автоматический зонд, который пойдет впереди. Если оба корабля снабдить датчиками, которые... – Не мигая, его темные глаза твердо смотрели на Армстронга, а затем лицо медленно сползло с экрана.

Глядя на опустевший экран, Армстронг ждал, когда собеседник появится снова. Пауза затягивалась. В конце концов, нахмурившись, он нажал кнопку срочного вызова. На экране возникла девушка-диспетчер.

– Я разговаривал с профессором Мэндлом, Вестчестер 1042, – пожаловался Армстронг. – Что случилось?

Девушка исчезла и через минуту появилась с сообщением:

– Извините, сэр, абонент не отвечает.

– Какой у него адрес?

Ее улыбка была любезной.

– К сожалению, сэр, нам разрешено сообщать адреса абонентов только полиции.

– Тогда соедините меня с Вестчестерским полицейским участком, – отрезал он.

С дежурным офицером Армстронг церемониться не стал.

– Говорит Джон Дж. Армстронг, Гринвич 5717. В доме профессора Мэндла, Вестчестер 1042, что-то случилось. Прошу вас отправиться туда как можно скорее!

Он отключился, затем набрал номер «Геральд», запросил добавочный «двенадцать» и сказал:

– Привет, Билл! На пустяки времени нет. Мне срочно нужен адрес профессора Мэндла, чью статейку ты засунул в последний выпуск. Можешь устроить? – Он немного подождал и, получив адрес, громыхнул в трубку: – Спасибо! Перезвоню позже.

Схватив шляпу, Армстронг выскочил на улицу, втиснул могучее тело в автомобиль и завел двигатель. Почему-то он был уверен, что профессор Мэндл никому и ничего уже не скажет.

Предчувствие его не обмануло. Скрюченный, уже начавший коченеть труп лежал на ковре под телефоном. Лицо Мэндла было спокойно.

По комнате расхаживал властного вида седоусый мужчина.

– Вы тот самый Армстронг, который нам позвонил? Быстро соображаете. Мы выехали сразу и все равно опоздали...

– В чем причина? – осведомился Армстронг.

– Пока не могу сказать. На первый взгляд он протянул ноги без чьей-либо помощи. Вскрытие покажет. – Он оценивающе взглянул на Армстронга. – Когда покойный разговаривал с вами, он был чем-нибудь взволнован, испуган, показался ли он вам обеспокоенным?

– Нет. Ничего подобного, насколько можно судить по экрану. – Армстронг недоверчиво посмотрел на труп. – Совсем еще молодой парень. Наверное, меньше тридцати. Странно, не правда ли, когда такие молодые люди вдруг умирают?

– Вовсе нет, – усмехнулся полицейский. – У нас такое случается каждый день. – Он перевел взгляд на вошедшего в комнату товарища.

– В мясной фургон, кэп? – гаркнул тот с порога.

– Да. Тащите его отсюда. Ничего интересного тут больше нет. – Он снова повернулся к Армстронгу: – Если вас интересуют результаты вскрытия, могу позвонить. Вы говорили, Гринвич 5717?

– Верно.

Полицейский капитан проявил легкое любопытство:

– Вы родственник?

– Нет. Я консультировался с ним по одному техническому вопросу. Меня аж передернуло, когда он вот так, прямо на полуслове...

– Пожалуй, кого угодно передернуло бы. – Капитан помахал шляпой, мрачно обвел глазами комнату и небрежно натянул ее на голову. – Хотя нам не привыкать, – добавил он и вышел.

Армстронг направился в «Геральд» и, вызвав Билла Нортон, предложил позавтракать в небольшом уютном кафе, славившемся необыкновенными бифштексами.

Первое слово он произнес только после того, как проглотил все, что заказал.

– Мэндл мертв. Сыграл в ящик, когда говорил со мной. Паршивый трюк – так надуть, когда разговор еще не окончен.

– Бывают трюки еще паршивее, – сообщил Нортон. – Однажды один парень вдруг взял и спятил в тот самый миг...

– Давай без репортерских воспоминаний, – перебил Армстронг. – Просто я теперь в каком-то дурацком, подвешенном состоянии. Я подозреваю, что Мэндл действительно что-то добыл, и хочу знать что.

– Увы, слишком поздно. – Нортон мрачно и равнодушно кивнул. – Время течет, вспять не повернет. – Он перевел взгляд на свою тарелку: – Спасибо за бифштекс, дружище.

– К черту бифштекс! – Стол заскрипел, когда Армстронг ухватился сильными руками за его края. – Чего стоил Мэндл? Кем он был в своей науке – настоящим ученым или выскочкой?

– Можно спросить у Фергюсона. Он редактор по науке, и он взял ту статью. И раз он ее взял, значит, Мэндл был серьезной фигурой. Может быть, его слова когда-нибудь даже высекут на камне. Ферги специализируется на последних новинках в науке и сам так учен, что покупает этот ликер не квартами, а литрами.

– Кажется, ты говорил, что он не пьет?

– Ну, ты же понимаешь, о чем я говорю. – Зевая, Нортон вежливо прикрыл рот ладонью. – Он малость не от мира сего.

– Слушай, Билл, сделай доброе дело, а? У меня нет контактов со всеми этими изобретателями слоев, и я начинаю об этом жалеть. Расспроси Фергюсона о Мэндле. Мне это нужно. Это плюс имя и адрес любого другого здешнего парня, которого он считает достаточно толковым, чтобы подобрать то, что уронил Мэндл.

– Ты так говоришь, будто тебе грозит потеря денег.

– Мне грозит потеря семи новых и чертовски дорогих игрушек. В том числе уникальной камеры. Помимо прочих хитрых штучек в корабле Куин захватит с собой пятидесятифунтовую камеру, которая отснимет многометражный цветной фильм. Это обошлось мне в двести тысяч баксов, но зато я приобретаю права на прокат фильма о путешествии на Марс. Это просто одна сплошная головная боль, но если я не получу фильм, половина моего состояния вылетит в трубу. – Он на миг задумался. – Я многое ставлю на кон, хотя шансы не равны, и я не хочу заведомого проигрыша.

Нортон ухмыльнулся и сказал:

– Поэтому ты хочешь быть уверенным, что Куин вернется национальным героем?

– Именно! Не говоря уже о том, что я не хочу, чтобы Куин поджарился. – Армстронг посерьезнел. – Он сумасброд – как любой из тех, кто считает, что к Марсу можно промчаться пулей, в то время как дорогу еще надо расчищать. Но мне он нравится. Даже если он потеряет камеру и все остальное, я хочу, чтобы он вернулся обратно, не подпалив штанов.

– Очень мило с твоей стороны! – Нортон встал, похлопал себя по животу, отдуваясь. – Прямо беда с этими космическими катастрофами. Слишком далеко от нас. А что далеко – то неинтересно. Не мог бы ты уговорить Куина хлопнуться где-нибудь поближе? И заодно, скажем, снести Эмпайр Стейт Билдинг?

– Если ему суждено вернуться, надеюсь, он сделает это прямо на притон дядюшки Джо, где днюет и ночует вся твоя кровожадная репортерская братия.

Нортон рассмеялся:

– Ладно! Налущу на тебя Ферги. Тогда и позвоню.

– Хорошо бы тебе поторопиться. Заказав вторую чашку кофе, Армстронг задумчиво отхлебывал из нее маленькими глотками, глядя в спину удаляющегося Нортон.

– Событие, повторившееся столько раз, не может быть случайным, – заявил Мэндл. – Это – явление, которое говорит о существовании какого-то закона. Логично, ничего не скажешь. Одна и та же комбинация иногда выпадает раз за разом, об этом знает любой игрок в кости, но вряд ли она выпадет семнадцать раз подряд. Мэндл что-то разнюхал... но что? Закон? Какой закон? Чей закон?

Армстронг устало прикрыл глаза. «Чей закон?» – как глупо! Все равно что «Кто виноват?». Типично русский вопрос. Физические законы – не плод человеческого ума, они такие, какие есть, и альтернатив нет. Так называемые социальные законы – всего-навсего этические соглашения, которые запросто изменяются в зависимости от места и времени действия. Никакие человеческие указы и постановления не могли взорвать одиннадцать кораблей на расстоянии больше сорока миллионов миль. Нет, конечно, нет. Ответственность за случившееся несет нечто, находящееся далеко за пределами этого мира.

За пределами этого мира? А что за его пределами? Именно это и пытались обнаружить те корабли. Именно это должна заснять его суперкамера. Как бы то ни было, в одном можно быть уверенным твердо: в новых мирах таятся новые законы.

Или новые люди пользуются новыми законами...

Или старые люди пользуются старыми законами...

Хмурясь от того, куда завели его мысли, Армстронг допил кофе и направился к выходу. В дверях, уловив в зеркале свое отражение, он остановился и некоторое время изучал собственные черты. На широком смуглом подвижном лице ясно выделялись серые глаза, и это создавало впечатление твердости, надежности и... обыденности.

– У какие у тебя большие зубы, бабушка, – произнес Армстронг. Отражение оскалилось и ответило: – Это чтобы легче съесть тебя, моя дорогая! – Слишком я расфантазировался, – пробормотал он сокрушенно. Хотя именно благодаря фантазии появились суперкамера, солнечный компас и другие идеи, в тот момент он был чересчур зол на себя, чтобы отдать ей должное. – Пора образумиться!

Последнее мрачное замечание стало пророческим, хотя Армстронг об этом не подозревал. Первым раздался звонок от Нортон.

– Ферги говорит, что Боб Мэндл в последнее время считался одним из самых многообещающих астрофизиков. К его теориям присосалась толпа народу. Я видел у Ферги последнюю статью Мэндла. Там целая прорва безумных рисунков и формул, а речь идет о каких-то криках Мэндла, которые хитрым способом взаимодействуют с другими каракулями – фигурами Лиссажу. И это взаимодействие якобы доказывает, что фотоны имеют массу покоя. Лично мне абсолютно наплевать; есть у фотона масса покоя или нет. Но Ферги считает, что эта статья – серьезная заявка на открытие чего-то там такого-эдакого.

– А как насчет остальной информации? – напомнил Армстронг.

– Ах да! Ближайший аналог Мэндла – профессор Мэндл.

Армстронг продолжал терпеливо смотреть на экран и, встретив наконец взгляд Нортон, коротко рявкнул:

– Повтори!

– Единственная здешняя светлая голова уровня Мэндла – профессор Мэндл. С моим телефоном все в порядке. Что-то не так с твоим?

– Я слышал тебя и в первый раз. Просто мне сейчас не до смеха. С чего ты взял, что я валяю дурака? У меня пока еще хватает ума не конкурировать с тобой! Нортон ухмыльнулся в экран. – Ферги сказал, что это должен знать любой, у кого мозги в черепе не болтаются, как грецкий орех. – Он снова ухмыльнулся. – Клэр Мэндл.

– Девушка?!

– Его сестра. Педантична, как квадратный корень. Если она снисходит до того, чтобы послушать волчий вой, то исключительно для изучения эффекта Доплера.

– Хм! – только и мог сказать пораженный Армстронг. Нортон снова стал серьезным.

– Но Ферги утверждает, что она такой же классный специалист, каким был ее брат. Конечно, есть ученые и покруге Клэр Мэндл – например, ветхий старикашка по фамилии Горовиц, но у него есть существенный недостаток – он живет в Вене. Этот Горовиц – Фергюсон его просто боготворит – взвесил фотон с точностью до ста с лишним знаков после запятой при помощи математических фокусов вокруг реакции на хлорофилл. Кстати, ты не знаешь, что это такое?

– Поскольку в одной из моих игрушек используется фотосинтез, минимальное представление я должен иметь, – криво улыбнувшись, ответил Армстронг.

– Ты просто гениален! Для меня что колонизация, что личная гигиена – все едино. Такое уж я дремучее существо. Что-нибудь еще хочешь узнать?

– Больше, кажется, ничего. Спасибо, Билл.

– Не за что. Я расплатился за бифштекс. Когда ты созреешь накормить меня следующим?

– Когда телепатически узнаю, что ты проголодался. – Армстронг выключил аппарат и погрузился в размышления, но телефон внезапно зазвонил вновь.

На сей раз это оказался капитал полиции.

– Вскрытие показало, что причина смерти – тромбоз сосудов сердца, – сообщил он. – На обычном языке это означает, что там кровь свернулась.

– Причина естественная?

– Разумеется! – Полицейский капитан начал раздражаться. – Почему бы и нет?

– Я только хотел узнать, и все, – успокоил его Армстронг. – Мало знать – хуже, чем не знать ничего. Разумеется, это простое совпадение, но мне известно, что кровь может свертываться при отравлении ядом гадюки Рассела. Хотя, конечно, отсюда ничего не следует...

Раздражение капитана усилилось, он стал более настойчивым.

– Если вы что-то подозреваете, ваш долг – сообщить об этом нам!

– Видите ли, я знаю одно – запуски ракет словно заколдованы. Поэтому, когда первый человек, который мог дать нам хоть какие-то зацепки, вдруг отправляется на тот свет, я начинаю задумываться – а нет ли тут чего-то большего, чем простое невезение?

– Чего, например?

– Вы меня подловили! – признался Армстронг. – Я играю вслепую.

– Смотрите, не сверните себе шею, – предостерег капитан.

– Постараюсь.

После того как капитан отключился, Армстронг обдумал предстоящий разговор с Клэр Мэндл. Ясно, что неудобно докучать ей сейчас, когда на нее свалилась внезапная смерть брата. Лучше немного выждать. По крайней мере, неделю. Но неделя – это куча времени, и, значит, можно съездить в Нью-Мехико, проверить, как там идут дела. Кроме того, путешествие поможет ему избавиться от навязчивой идеи, какого-то непонятного, дурацкого предощущения, что и восемнадцатый по счету корабль не достигнет цели, если он, Армстронг, не сделает то, что сделать должен... Но здесь-то и крылся подвох – о том, что нужно делать, Армстронг и понятия не имел.

Снова засев за телефон, он позвонил в аэропорт и заказал билет на утренний рейс до Санта-Фе. Собираясь поужинать, он решил пройтись до ресторана пешком: иногда это полезно – больше увидишь и обдумаешь.

Ресторан он выбрал неудачно. Еда была приличная, но подавали ее при помощи роликовой обслуживающей системы – так на фермах распределяют корм скотине. В зале оказался небольшой пятачок для танцев, на котором, в самый разгар его трапезы, с десятков пар затеяли наимоднейшую «трясучку» под равномерное, бьющее по нервам брэнчание шести контрабасов и электрической арфы. Оркестр бухал, как мексиканский метроном. Выпучив глаза и раскрыв рты, слипшиеся в экстазе парочки дрожали с головы до пят. Арфа и контрабасы довели их почти до истерики. Армстронг вышел, не закончив ужина.

Он подошел к витрине небольшого магазинчика. Его внимание привлек один экспонат – причудливо изогнутый обрубок дерева, чем-то напоминающий омара, из которого выступали два тонких родиевых стержня: один торчал прямо, другой целился в сторону. Табличка внизу гласила: «Автор – Тамари. Возвышение Психеи. Цена 75 долларов».

Армстронг почувствовал, как сжались челюсти, когда он поймал взглядом собственное отражение в стекле витрины. Какое-то время он смотрел на самого себя так, словно это был совершенно чужой человек.

«Кто хлебал из моей чашки? – запричитал крошечный медвежонок».

Он топнул ногой, словно стряхивая что-то, и направился к ближайшей телекабине. Незанятой оказалась только кабина с «Дейли»; он вошел в нее, откинулся на сиденье, бросил монетку и стал просматривать появившийся на экране вечерний выпуск.

О космических кораблях никак не упоминалось, за исключением заметки о том, что правительство России с признательностью оценило многочисленные выражения сочувствия, поступившие практически от всех государств. Ни словечка о демонстрациях и протестах против продолжения запусков. Наверное, газеты, пока могли, воздерживались от подобных публикаций. Престиж нации требовал, чтобы старты ракет продолжались.

Весь выпуск оказался на редкость «беззубый»; главный акцент делался на разлив Миссисипи и дело Вентворса об убийстве. Юного Вентворса признали невменяемым, и «Дейли» намекала, что если бы он не был Вентворсом, то погорел бы непременно. Но парень был Вентворсом, и три психиатра, с ученым видом поразглагольствовав об агрессивных неврозах, в итоге его спасли. Оправдали гонорар. А в какой-нибудь Бирме или Сомали людей вешают как раз за то, что они в самом деле спятили. Неважно, что ты сделал, важно – что ты думал, когда это делал.

– Чертовщина какая-то! – громко произнес Армстронг. – Что это сегодня со мной?

Выйдя из кабины, он поставил себе диагноз: барахлит печень, надо принять слабительное. Если бы он определил у себя сифилис, эдипов комплекс или сверхчувственное восприятие, то и тогда он не был бы дальше от истины.

«Истина – это драгоценный камень с множеством граней», – определил принц Гаутама. Но Будда забыл добавить, что чем дальше уходишь от одной грани, тем ближе подходишь к другой. Впрочем, Армстронг также не думал об этом. Ни теперь, ни потом!

2

Строительный комплекс и стартовая площадка Нью-Мехико находились милях в пятидесяти севернее Галлупа. С точки зрения тех кто там работал, единственным достоинством этого места была его дешевизна. Двадцать лет назад отсюда стартовала ракета номер два, и когда она взорвалась в космосе, словно чудовищная петарда, опечаленные создатели покинули несчастливое место. Конструкторы девятой ракеты, лучше финансируемые – отчасти даже правительством, – снова использовали здешний комплекс, модернизировали его, но затем тоже бросили. И вот сейчас создатели номера восемнадцатого надеялись на лучшую участь.

Армстронг нашел космодром до странности безлюдным и тихим. Немногословные охранники впустили его через стальные ворота с тройными запорами, и, пройдя полпути до административного корпуса, он повстречался с Куином.

– Хэлло, малыш! – проговорил достававший Армстронгу до плеча Куин. – Что тебя вдруг сюда занесло?

– Ты ни строчки не пишешь своему благодетелю, – в тон ему ответил Армстронг.

Куин ухмыльнулся:

– Тоже мне благодетель! Лоусон со своей математикой уже от меня бегаёт. Сейчас ты его нигде не найдешь. Я его прямо замучил, заставляя подсчитывать твою долю. Он говорит, что если фильм займет десять минут, ты получишь десять миллионов зелененьких.

– Из которых семьдесят процентов заберет правительство, а пятнадцать – ты. – Согнав с лица улыбку, Армстронг спросил: – Погоди-ка, ты хочешь сказать, что Лоусон не работает? Что тут вообще происходит – местный день независимости?

– Работа встала вчера. Вашингтон прекратил финансирование из-за какого-то вопроса из сферы высокой политики. Наши спонсоры перепугались и пошли в ту же масть. Осталась тонюсенькая струйка, которой хватает на недельные выплаты, но и только. Вдобавок компания «Рибера Стил» задержала поставки из-за нехватки бериллия для обшивки. – Он снова ухмыльнулся. – Потому и суета.

– Это преступление!

– Отнюдь. Чем дольше это продолжается, тем больше срок моей жизни.

Армстронг внимательно посмотрел на него:

– Ты можешь не лететь, Джордж. Ты можешь выйти из игры в любой момент.

– Я знаю. – Задиристый взгляд Куина устремился в небо. – Я всего лишь подумался. От этого корабля, раз он отправляется в полет, меня за уши не оттащишь. Мне этим заниматься, мне – и никому другому! Не забывай.

– Когда еще все начнется...

– Когда-нибудь начнется. Работу тормозят технические неурядицы и бюрократические препоны, но в конце концов она будет сделана. Я нутром чую.

– Какой молодец! – похвалил Армстронг. – Слава Богу, что тут есть хоть один оптимист.

– Вообще-то я никогда не был завзятым оптимистом. Но ведь ты не грустил, когда мы виделись здесь в прошлый раз. Ты сам говорил, что на номер девять ушло два года и что эта – намного лучше той. – Он с любопытством рассматривал Армстронга. – Между прочим, сам-то ты сейчас от оптимизма ох как далек. Хандришь. Нужно встряхнуться!

Джон Армстронг на минуту задумался. Мимо, насвистывая «Крошка, танцуй веселей», прошел рабочий в замасленной робе. Армстронга передернуло.

– Может, ты прав, – признал он. – Я в последнее время совсем не отдыхал. Всякий бред в голову лезет...

– Причина проста, – с уверенным видом заявил Куин. – Ты работал как вол, чтобы успеть сварганить в срок несколько безделушек для корабля. Ты подстегивал свои мозги как только

мог. Сейчас работа кончена, а шарики все еще крутятся. И это тебя беспокоит. Ты просто должен переключиться на что-нибудь простенькое, полезное для здоровья и возбуждающее, например на ограбление банка...

– Спасибо за совет, доктор Куин. – Он улыбнулся. – Ну, пошли мучить нашего друга Фазергила.

Проходя мимо недостроенного корабля, они остановились и молча его осмотрели. Ракета располагалась внутри ажурной фермы – тусклый черный цилиндр в восемьдесят футов высотой. Ферма возвышалась еще на восемьдесят футов – то есть на предполагаемую длину корабля после того, как будет прилажена головная ступень. Это означало, что корпус готов лишь наполовину, да и начинки еще маловато. Работы впереди было много.

В административном корпусе, в персональной берлоге-кабинете, они нашли темноволосого энергичного малого, явно обожавшего цветы, которые стояли даже на его рабочем столе.

– А, Джон! Привет? – Он протянул холеную руку, затем указал на кресла, аккуратно уселся в свое, поправил безупречный узел галстука и подвинул на дюйм вазу с цветами. – Ну-с? – со слащавой веселостью произнес он. – Чему мы обязаны таким удовольствием?

– Мне скучно, – сообщил Армстронг, уставясь на Фазергила твердым немигающим взглядом.

– В самом деле? – Фазергил беспомощно развел руками. – Ты выбрал очень неподходящий момент. Мы связаны по рукам и ногам перебоями со снабжением... нерешительность правительства... Прорва всяких «не»...

– Каких именно? – бесцветным голосом осведомился Армстронг.

– А?

– Ты упомянул про какие-то «не», которые связывают вас по рукам и ногам.

Фазергил глотнул, посмотрел на цветы, затем на потолок и снова на цветы.

– Ну? – подстегнул собеседника Армстронг. Сбоку задумчивым взглядом их изучал Куин, но Армстронг не обращал на это внимания.

– Мелочи, – слабым голосом произнес Фазергил.

– Какие мелочи? Все, что способно подрезать проекту крылышки, не может считаться мелочью. Кто говорит, что это мелочи?

Весь вспыхнув, Фазергил выпрямился в кресле.

– Ты не имеешь права говорить со мной в таком тоне? Что, черт возьми, за манеры?!

– Полегче, Джон, – озабоченно предупредил Куин.

Армстронг подался вперед, его серые глаза загорелись.

– Почему мы должны сидеть и ждать пластин от «Рибера Стил», когда у «Бетльхэма» столько бериллия, что из него можно построить линкор? Фазергил дернулся в кресле.

– Откуда тебе это известно?

– "Бетльхэм" завалил рекламой своего бериллия все коммерческие издания.

– Все равно я не могу разорвать контракт, – возразил Фазергил.

– А я и не думаю, что можешь. Но ничто не мешает «Бетльхэму» поставлять бериллий от имени «Риберы». Это обычная торговая практика. Кто решил, что «Рибера» должна заполнить этот контракт в первую очередь?

– Вомерсли.

– Сенатор Вомерсли? – Кустистые брови Армстронга изогнулись дугой.

Передвинув цветочную вазу еще на дюйм, Фазергил кивнул. Выражение лица у него было таким, словно его пытали.

– Итак, что насчет этих «не»? – упорствовал Армстронг.

– Ох, ради святого Петра! – Фазергил в тщетной надежде принялся сквозь очки изучать потолок. – Разработчики вдруг сменили атомное горючее, вместо плутония взяли торий. Какие-то туманные соображения из области динамики ядерного распада... Но это не так уж

важно, раз двигатели еще не закончены. Еще говорят, что кремний-бериллиевая облицовка тоже не слишком надежна. Ее нужно сделать толще или как-то усилить... Это предложение исходит от фирмы «Североамериканские трубы».

– Что еще?

– Кто-то украл рентгеновский сканер, и теперь нам нечем исследовать сварные швы. Пришлось затребовать другой сканер. Его еще нет.

– Все?

– Забастовка водителей грузовиков задержала поставки на несколько дней. С этим мы справились, пригрозив задействовать железнодорожную ветку.

– Фазергил начал обретать уверенность. Он посмотрел на Армстронга:

– Что с тобой творится? Ты ведешь себя так, словно тебя назначили официальным толкачом. Или ты приобрел на Марсе алмазные копи?

Армстронг встал и кривовато улыбнулся.

– Что ж, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, – произнес он загадочно. – Премного благодарен за новости, простите, что влез в ваши дела.

Фазергил поднял руку и стал поглаживать свою набриолиненную голову, словно вытесняя из нее все мысли об Армстронге.

– У меня хлопот полон рот, – проговорил он, снова принимая гостеприимный вид, – но я всегда рад тебя видеть, Джон...

На улице Армстронг обратился к Куину:

– Тебе все равно сейчас делать нечего, Джордж. Как насчет того, чтобы протянуть руку помощи старому приятелю?

– Что ты задумал?

– Я хочу, чтобы ты засунул нос в чужие дела и раскопал для меня кое-какие имена. Пришли их по почте, как только раздобудешь. Мне нужно имя того парня, который спер сканер; имя того, кто порекомендовал сменить топливо; имя человека из «Североамериканских труб», который возжелал усилить обшивку. Если сумеешь выяснить, кто подзуживал водителей грузовиков, пригодится и это.

Джордж Куин недоверчиво оглядел Армстронга и сказал:

– Сдается мне, что ты спятил!

– Большинство людей на земле думает, что спятил именно ты, – парировал Армстронг. Он пожал руку Куину, заставив того сморщиться от боли. – Мы, шизики, должны держаться друг за дружку.

– Ладно. – Куин помрачнел. – Если ты играешь в Шерлока, так и быть, я буду Ватсоном.

Армстронг хлопнул Куина по спине, выразив таким способом одобрение. Да, надо держаться друг за дружку...

Внезапно им снова овладело мрачное настроение. Казалось, будто мозг сжала гигантская четырехмерная амеба... Засунув руки поглубже в карманы, Армстронг, тяжело ступая, направился к воротам. Лучше убраться отсюда, пока изучающий взгляд Куина не превратился в неодобрительный.

Дома, в своей нью-йоркской квартире, он оценил ситуацию под другим углом зрения. У него была небольшая, но отлично оборудованная лаборатория в Коннектикуте, в которой он провел свои лучшие часы, воплощая «в металл» свои идеи. Место, куда спешишь только тогда, когда тебя обуревают жажда творить... Но являться туда в поисках прибежища от мирской суеты... Нет, это совсем не радовало.

В настоящий момент Армстронгу было нечего разрабатывать. Его прибор и без того являлся основой дюжины многообещающих устройств, и для любого вольного, не работающего по найму, изобретателя это представляло большой успех. Но он не мог заставить себя загореться вдохновением, без которого всякий лабораторный труд обречен на провал. Вдохно-

вание всегда приходило внезапно – непредвиденное, незваное. Сейчас его не было, и именно поэтому он, Армстронг, догадался, что его, Армстронга, беда заключается в праздности ума.

Измученный безвыходностью положения, его мозг рыскал в поисках хоть какого-нибудь занятия. Он искал ту самую черную кошку, за которой мог бы гоняться в темной комнате.

Дойдя в приступе самокопания до подобного вывода, девять человек из десяти решили бы, что им следует либо посетить психиатра, либо совершить кругосветный вояж. Либо, на худой конец, вступить в гольф-клуб. Реакция Армстронга была иной и совершенно для него типичной. Его ум хочет гоняться за призраками? Пожалуйста! Но погоня должна быть безопасной и, по возможности, захватывающей. Почему бы не попытаться выследить мифического дракона? В мрачной лесной чаще и впрямь можно повстречать нечто огнедышащее. И уж если он так решил, это означало, что дни дракона сочтены. Из акульей хватки Армстронга не так-то легко вырваться.

Приняв наконец решение, он успокоился и, приехав на машине в Нью-Джерси, позвонил в дверь Эдди Дрейка.

– Ба! – воскликнул Дрейк. – Человек-Гора пожаловал! – Он сделал приглашающий жест. – Садись вот сюда – это самое прочное кресло в доме. Ну, сколько тебе нужно взаймы?

– Раз ты так щедр, одолжу сигарету, – Армстронг прикурил, закинул ногу за ногу и вперил взгляд в свои огромные ботинки.

– Эдди, семь лет назад ты работал с ракетой номер девять.

– Не напоминай о ней, – огорчился Дрейк.

– Это не твоя вина.

– Вообще ничья, – заметил Дрейк.

– Ты уверен?

Дрейк выронил зажигалку, поднял ее с ковра и запротестовал:

– Что-то я тебя не понимаю! Номер девять гробанулся на полдороге к Марсу. Каждый из нас сделал все от него зависящее. Очевидно, этого оказалось недостаточно. Так чья тут вина?

– Меня интересует вовсе не результат. Меня интересуют те препятствия, о которые ты спотыкался в процессе работы, их, так сказать, природа.

– Ясно. – Дрейк посмотрел на него с хитринкой во взгляде. – У тебя проблемы с номером восемнадцать, и ты ищешь зацепки?

– В некотором смысле – да.

– Не удивляюсь. Ладно, чем могу, помогу. – Дрейк задумался, вспоминая давно минувшее. – Самой большой нашей бедой была авария двигателей. На испытательных стендах они вели себя великолепно. На первых испытаниях после установки в корабль – тоже. И только при повторных испытаниях... С превеликим трудом мы их заменили, и это обошлось нам в пять месяцев сумасшедшей работы.

– Кто выполнял монтаж двигателей?

– "Саузерн Атомикс Компани".

– Кто их проектировал, знаешь?

– Не имею понятия. Может быть, сумею выяснить.

– Буду очень обязан, если сумеешь, – сказал Армстронг. – Какие еще случались неприятности?

– Всякая ерунда, мелочи. – Пришлось изрядно повозиться со схемой управления. На испытаниях полетели два микропроцессора, заменили другими. Много было столкновений с местными чиновниками, которым не нравилась суета в их округе, и они хотели, чтобы мы убрались от них хоть в Китай. Мы не могли послать их к чертовой матери, потому что правительство упорно делало вид, что не замечает строительства корабля...

Дрейк сощурил глаза, изучающе глядя на Армстронга, и продолжил:

– Но худшее началось потом... Стартовала эта штукавина, как ты помнишь, на глазах всей планеты. И взорвалась на полпути. Скажу тебе, грохот стоял такой, что, мне кажется, я слышу его до сих пор. Всякие доблестные налогоплательщики, иностранцы, религиозные проповедники, финансисты и политические экстремисты писали ядовитые письма в газеты, в Конгресс и всем имевшим хоть какое-то отношение к кораблю. Дюжина придурков написала и мне, предлагая арестовать тех, кто взорвал ракету. Еще двое признались, что это сделали они. Десять сообщили, что то была Божья кара. Один прислал мне по почте свою налоговую декларацию и потребовал, чтобы я ее оплатил... – Он хмыкнул. – Когда номер восемнадцать накроется, ты очень скоро узнаешь, кто виноват, – доброхоты сообщат тебе письменно.

– Как ты думаешь, кого они назовут?

– Католиков, евреев, негров, масонов, Ку-Клукс-Клан, Армию Спасения, ветеранов второй мировой войны, свидетелей Иеговы, англичан, русских, капиталистов, анархистов, банкиров, арабских нефтяных магнатов... – Он остановился и перевел дыхание. – Список можно продолжить.

– Прямо кладезь информации! – Ты увидишь, что мир битком набит мелочными ненавистниками, напыщенными пессимистами и извращенцами.

– Почему же битком? – не согласился Армстронг. – Нет, я бы так не сказал. Кое-где царит рассудительное спокойствие. Ладно... давай вернемся к этому позже. Эд, кто поставлял автоматику и сопла двигателей?

– Автоматику делала компания «Дистанционное управление». Сопла – «Североамериканские трубы».

– Хм! Еще один пунктик – ты знаешь, кто начал против вас агитацию среди населения? Если не знаешь, то можешь выяснить?

– Знаю, – тут же ответил Дрейк, скорчив гримасу. – Имел счастье несколько раз мило побеседовать с этим типом. Его зовут Мервин Ричардс, у него впалые щеки и ввалившиеся глаза. Любит совать свой нос в чужие дела. Способен заговорить до смерти кого угодно и чертовски напугал тогда окрестных жителей.

– Нас он пока не беспокоил.

– Я думаю, этого не случится. Последнее, что я о нем слышал, – он подался во Фриско разыгрывать роль верховного служителя культа эктоплазменного резонанса. Черт знает что это такое.

– Понятно. – С минуту Армстронг размышлял, затем спросил: – Не знаешь, где Кларк Маршал?

– Наверное, где-нибудь во Флориде. Хочешь допросить и его?

– Да. Уж что-нибудь я из него вытяну. – Армстронг встал, пожал Дрейку руку: – До встречи, Эд. Не забудь о тех именах для меня.

По дороге домой Армстронг остановился у библиотеки городка Джерси и какое-то время потратил, просматривая справочники и книги по ракетной технике. Он выписал девять фамилий, две из которых нашел в Манхэттенском телефонном справочнике. Он позвонил этим двоим и учинил им форменный допрос, получив в ответ целый ливень саркастических замечаний и язвительной брани. Однако он вытянул из них, хотя и с трудом, обещания сотрудничать, а большего пока и не требовалось. После библиотеки он направился домой и записал все то, что узнал к этому моменту. Затем перечитал написанное и задумался. Не так уж много. Всего лишь куча малопонятной чепухи. Впрочем, материала прибавится, когда Куин, Нортон, Дрейк и другие добудут информацию.

Хотя картина в любом случае получится туманной. Есть риск, что, в конце концов, он останется один на один с безумной гипотезой, которую ни проверить, ни как-нибудь использовать не сумеет, но все равно убивать время таким образом – лучше, чем писать на стенах: «Голосуйте за Мориарти».

Что дальше? Еще семь фамилий, за которыми можно поохотиться завтра и послезавтра. После этого пора будет поговорить с Клэр Мэндл. Он вдруг подумал, что в целом мире никто не помешает ему довести дело до конца. Целеустремленность и основательность! Если бы ему пришлось в голову заняться сомнамбулизмом, он наверняка стал бы чемпионом среди лунатиков.

Расчехлив пишущую машинку, Армстронг отпечатал письма – четыре в Англию и три во Францию. Письма были ясные, убедительные, призывали к сотрудничеству, но он сомневался в успехе. Безотлагательность имеет тенденцию таять пропорционально расстоянию. Даже самые крупные неприятности выглядят значительно мельче, если случаются за несколько тысяч миль. Может, европейцы откликнутся и пришлют информацию, может, нет, но попробовать стоило.

Отправившись на традиционную прогулку, во время которой он привык размышлять, Армстронг опустил письма в почтовый ящик и двинулся к центру города. Здесь на каждом углу переливались, мигали, вспыхивали огни: «Розовый Бурбон», «Закусочные Перлица», «Виталакс даст вам жизнь», «Танец такси», «Кит Руни в «Удаче ирландца», «Виталакс», «Виталакс», «Виталакс»... Вкрадчиво, соблазнительно, убедительно, и снова – вкрадчиво, соблазнительно – до тех пор, пока... Потому что, если вранье повторять слишком часто, в него поверят. Бог есть любовь. Студенты-бездельники любят добрую старую выпивку. Жизнь прекрасна! Если новость удовлетворяет этому лозунгу, она достойна... Что значит «удовлетворяет» и кто так говорит? Виталакс даст вам жизнь. Сильные руки защитят мир. Все новости... Виталакс...

Должно быть, он непроизвольно заговорил вслух, потому что какой-то мужчина остановился, посмотрел на него и сказал:

– Извините?..

– Нет, нет, ничего, – заверил Армстронг. – Я просто болтал с Твилипом. – Заметив непонимающий вид прохожего, он пояснил: – Он совсем крошечный и зеленый, а на хвосте у него узелок. Я ношу его в кармане жилета. – Армстронг ухмыльнулся, показав зубы.

– А-а! – Мужчина посмотрел на него странным взглядом и поспешил удалиться.

Войдя в ближайшую закусочную, Армстронг занял столик в углу и попросил пинту крепчайшего яванского кофе. В ожидании заказа он поглаживал волосы руками. Ему казалось, что его мозг заполняется маленькими голубыми пузырьками, лопающимися с характерным «плюп-плюп-плюп». На самом деле, конечно, никаких пузырьков не было, а такими ему представлялись греховные замыслы. Впрочем, он вовсе не мечтал вывалить кого-нибудь в смолу и перьях или подлить кому-нибудь масла в ботинки. Пока.

Принесли кофе, он отхлебнул немного, разглядывая поток прохожих. Блики от окон и рекламы освещали их, будто актеров на сцене. Лица бесстрастные, лица возбужденные, лица вытянутые, лица круглые, лица энергичные, лица счастливые, лица мрачные, лица красивые, лица самодовольные, лица пустые, лица плачущие, лица любопытные – все разные и вместе с тем объединенные каким-то сходством. И это сходство было краеугольным камнем власти.

Какой власти? Линкольна? Ленина? Королевы Елизаветы? Власти Робеспьера? Конфуция? Или легкомысленного и просвещенного герцога де Морни, который не думал о людях, пока вдруг случайно с ними не сталкивался?

Формы власти столь же разнообразны, сколь различны сами люди.

Бармен за стойкой включил радио, и медленно потекла соната Генделя в исполнении Филадельфийского симфонического оркестра. Музыка успокаивала. Медленный величавый ритм очищал мозг от всего ненужного, как автомобильный «дворник». Она напрочь стерла «Танцующую крошку», отфильтровала дурацкий «Виталакс» и сделала симпатичными лица людей.

Вдруг музыка смолкла, и вместо нее раздался бесстрастный четкий-голос:

– Экстренное сообщение! Полчаса назад произошла крупная катастрофа на гигантской российской атомной станции в Уральских горах. Взрыв зарегистрирован всеми сейсмическими станциями. О жертвах не сообщается, но есть опасения, что они могут быть очень велики.

Дальнейшая информация будет передаваться по мере поступления. – Голос умолк, затем добавил: – Сообщение зачитано с любезного разрешения фирмы «Гильде Брау», производителя лучшего в мире пива. – Снова зазвучал Гендель. Теперь музыка звучала словно реквием.

Негромко выругавшись, Армстронг покинул кафе и влился в толпу. Стемнело, небосвод был черным и траурным, и только в одном месте злобно глядел вниз гигантский белый глаз луны. Непрерывный поток ярких движущихся огней озарял небо над Манхэттеном и дальше, над Бронксом. Где-то между потоком света и Луной, высоко на крыше невидимого небоскреба медленно полз малиновый червяк, образуя слова: «Она любит мятную жевательную резинку!»

За спиной Армстронга радио переключилось на другую станцию и заиграло с новой силой. Песня называлась «Еще одна танцующая крошка», и ритм ее сотрясал тело с головы до пят.

«Услышав, как музыка насмехается над царством их теней, они поняли вдруг, что умерли...»

Армстронг не мог вспомнить, откуда знает эти слова и когда они запали ему в душу.

Но все это выбило его из колеи. Прыгнув в подвернувшееся такси, он поспешно покинул это место, сам не зная, от чего убегает.

Семерка была не таким уж счастливым числом. Он встал со звонком будильника, чувствуя, что неплохо выспался, и это странным образом контрастировало с перипетиями вчерашнего дня. Затем принял душ, побрился и включил запись утренних новостей. Русские объявили, что пятьдесят квадратных миль превратились в пустыню, а воронка в эпицентре оказалась почти в двадцать метров глубиной. Причина взрыва неизвестна. Общество Друзей предложило двадцать авиагоспиталей и перебросило их от китайской границы на место катастрофы. Юный Вентворт продал права на экранизацию своей автобиографии.

В ярости Армстронг выключил телевизор и остаток дня провел в поисках тех семи человек.

Двое, как выяснилось, умерли. Один был в Европе – незнамо где. До троих он дозволился по телефону. Первый из них пребывал в легкомысленном и беззаботном настроении, двое других были сердиты, нетерпеливы, язвительны и даже не пытались скрыть, что считают его надоедливым дилетантом. Последнему из семерки он послал письмо. Все. Он сделал, что мог. Без свежей информации дальнейшее расследование невозможно. Конечно, если не считать Клэр Мэндл.

Утром следующего дня Армстронг мчался к Территауну, держась крайней левой полосы. Клэр Мэндл оказалась молодой женщиной, темноволосой, с живым лицом и совсем не похожей на своего брата. Она была одета в зеленый вельветовый костюм, сшитый у хорошего портного, и держала себя со спокойной уверенностью. Присмотревшись, Армстронг решил, что самая привлекательная ее черта – глаза, темные и миндалевидные; они делали ее похожей на эльфа.

Клэр Мэндл легко опустилась во вращающееся кресло, положила руки на колени и приготовилась слушать. Армстронг быстро пересказал события.

– ...Затем ваш брат начал развивать свою идею... и вот здесь-то это и произошло. – Он задумался на несколько секунд. – Я чувствовал, что не имел права беспокоить вас до сегодняшнего дня...

Ее красиво изогнутые брови чуточку поднялись.

– Вы считаете, что я смогу дать вам недостающую информацию?

– Меня уверили, что вы – единственный человек, который в состоянии это сделать.

– Мы с Бобом работали вместе, но только изредка, – задумчиво проговорила она. – У нас были разные области научных интересов. Чтобы ответить на ваши вопросы, я должна посмотреть его бумаги и кое-что вспомнить.

– Я был бы очень признателен, если бы вы именно так и сделали, – уверил он. – Я могу вам позвонить?

– Конечно. – Он пристально посмотрел на нее спокойными серыми глазами. – Но я предпочел бы встретиться где-нибудь в городе. Мы могли бы обсудить дело за ленчем.

Ее смех напомнил ему звон серебряных колокольчиков.

– Вы времени даром не теряете!

– У меня имеются скрытые мотивы, – сообщил Армстронг.

– В самом деле? – Она обнаружила женское любопытство. – Какие же?

– Я хотел бы познакомить вас с одним своим приятелем, газетным коршуном. Он мне сказал, что у ваших волос квадратные корни.

В ответ прозвучал смех – такой же, как прежде, мягкий и низкий.

– Договорились! Поставить на место газетчика – благая цель, и я готова раскрыть правду. – Она напоминала Армстронгу эльфа, подглядывающего изумленными глазами в замочную скважину. – Я вам позвоню, когда все сделаю.

– Благословляю вас! – произнес Армстронг, неожиданно заметив, что голос его охрип.

Сев в автомобиль, он завел мотор, отъехал на приличное расстояние и только тогда решился дать себе волю – изобразить нечто в духе тирольской песни.

Братец, за удовольствия надо платить!.. Смотри, куда это тебя заведет!.. Она полюбит мятную жвачку!..

Он оборвал рулады, сердито уставился в ветровое стекло и остаток пути не раскрывал рта.

После полудня подал весточку Куин, сообщив четыре фамилии.

– Вот они, Шерлок. Может, ты чего-нибудь из них и выгащишь. – Он прищурился и показал язык. – Полюбуйся! Таким ты был неделю назад.

– Что же, по-твоему, случилось неделю назад?

– Ничего. Поэтому ты так и выглядел.

Армстронг в ответ проворчал что-то невразумительное. Аккуратно занеся имена в свою записную книжку, он спросил:

– Что-нибудь еще у вас происходит?

– У нас начались гонки шакалов.

– Ну и как, они уже собрались у трупы?

– Обглодали до косточек. Сенатор Кармайкл во всеуслышание огласил, сколько зелененьких потрачено на полеты к Марсу до сего дня. А также сколько потратить еще предстоит. Он говорит, что это позор. Сенаторы Райт, Эмблдон и Линдл поют ту же песню. Прямо-таки хором.

В книжном шкафу у Армстронга имелся экземпляр «Политического зоопарка». Сняв его с полки, он прочитал краткие биографии сенаторов Кармайкла, Райта, Эмблдона и Линдла. Затем, вспомнив про Вомерсли, просмотрел соответствующую статью тоже. Это ни к чему не привело: он не нашел ничего интересного. Compliments и плохо замаскированная лесть попеременно с перечнем политических побед и счастливых историй о бедных фермерах. Эти пятеро отличались друг от друга совершенно ординарными качествами, а другими, столь же ординарными, были похожи. Армстронг искал другое (если это вообще могло быть найдено) – странности, необычности, какие-то свойства, присущие им всем одновременно. Из «Зоопарка» же удалось выудить только одно – общей у пятерых сенаторов оказалась привычка носить брюки.

Конечно, глупо гоняться за воображаемыми диверсантами в одиночку и без подходящих средств, стараясь переплюнуть ФБР. Но сама охота его практическому уму не казалась глупой. Армстронгу уже приходилось гоняться за призраками, и в конце концов каждый раз обнаруживалось, что выглядят они на удивление реальными. Поистине, то была редчайшая, «эдисоновская» случайность, но когда однажды ночью произошел мгновенный всплеск напряженности магнитного поля и иридиево-кобальтовая игла, развернувшись перпендикулярно силовым линиям, медленно начала колебаться... И дело Даже не в самом феномене, а в погоне за ним,

потому что когда человек два года подряд преследует цель, настигает ее и патентует солнечный компас, то к этому моменту у него развивается нюх на всякий любопытный запах, не хуже, чем у охотничьей собаки. Рассуждая таким образом, Армстронг примирился со своей непоседливостью и учился извлекать из нее пользу. Кроме того, у него было еще одно оправдание перед самим собой: он никогда не позволял своему разуму вертеться вокруг какой-нибудь бесполезной и никчемной задачи.

Следующий логический шаг – отстегнуть зелененьких и купить пару добавочных неглупых мозгов. За развлечения нужно платить и не скупиться, иначе шутки могут кончиться плохо – в разгар веселья можно схлопотать удар отравленным кинжалом.

3

Подходящим союзником казался Хансен, его репутация во всех отношениях была безупречна.

Армстронгу потребовалось всего несколько минут, чтобы добраться до здания из коричневого камня, на втором этаже которого размещалось агентство Хансена.

Высокая томная блондинка, взяв визитную карточку Армстронга, скрылась за дверью и почти сразу вернулась со словами:

– Мистер Хансен примет вас прямо сейчас, мистер Армстронг.

Хансен оказался почти такого же роста, как его клиент, разве что не столь широкоплечим. Предложив Армстронгу кресло, он сел за стол и сквозь очки внимательно оглядел гостя с головы до пят. Осмотр был неторопливый, непринужденный и откровенный.

– Ваше резюме? – улыбнулся Армстронг.

Не отводя испытующих глаз и не изменившись в лице, Хансен осведомился:

– Чем могу быть полезен, мистер Армстронг?

– Мне нужна информация о некоторых людях. – Армстронг вытащил из кармана листок и протянул его Хансену.

Детектив просмотрел список.

– Пятеро из них – сенаторы.

– Это имеет значение?

Пронзительные глаза снова впились в Армстронга.

– Все зависит от того, что вы подразумеваете под информацией. Если вам нужны их биографии – нет проблем! Но если речь идет о компромате, я должен знать точно, кто вы такой и как намерены использовать материал. Если дело мне не понравится, я за него не возьмусь. – Его тонкие губы сжались. – Таковы мои принципы.

– Весьма достойный подход, – одобрил Армстронг. – Чтобы рассеять ваши сомнения, есть простое решение. Вам нужно всего лишь постараться узнать мое имя.

– Какое?

– Джон Дж. Армстронг.

– Да-а, – согласился Хансен. – Этого вполне достаточно. – Правой рукой он поигрывал золотым перстнем с печаткой, блестящим на пальце левой руки. – Прошу вас подробнее.

– Мне не нужны пухлые романы об этих людях. Меня не интересуют их дни рождения. Мне нужна как можно более полная и исчерпывающая информация об организациях, к которым они принадлежат, их деловых интересах, клубах, дружеских связях, политических, религиозных или этнических объединениях, вообще, о любых норах, в которые они могли бы провалиться...

– Это будет нетрудно, – заметил Хансен.

– Значит, обойдется дешево. – Армстронг широко улыбнулся, когда его собеседник вздрогнул. – Чем лучше вы выполните это задание, тем легче вам будет в дальнейшем.

– Да! – удивленно произнес Хансен, передвигая лист. – Так это не все?

– Это только начало. Скоро у вас появится другой список, а после него еще один. Если у меня хватит денег и терпения и если мои друзья из сострадания не отговорят меня от этого дела, вам предстоит собрать сведения о целом батальоне.

– Мы сделаем все возможное. Уверен, вы будете довольны. – Хансен опять поиграл перстнем. – Информация по каждому объекту обойдется в сорок долларов. Все дополнительные затраты будут указаны в счете. Не проконсультировавшись с вами, мы не пойдем на крупные расходы.

– Да хранит вас за это Бог! – с озорным пафосом ответил Армстронг и отсчитал деньги.

Нажав кнопку на столе, Хансен приказал появившейся блондинке:

– Положите деньги в сейф, Мириам, и дайте мистеру Армстронгу расписку.

Автомобиль двигался в сторону редакции «Геральд»; небрежно развалившись за рулем, Армстронг проводил мысленный смотр своих войск. Из профессионалов у него имелся Хансен и батальон его помощников. Отряд волонтеров состоял из Нортон, Дрейка, Куина... Пожалуй, и все. Еще сюда он мог добавить и эльфа-Клэр. Было бы неплохо, чтобы и впредь никто из них не знал, что делают другие. В конце концов, члены любой разветвленной структуры просто не в состоянии знать все о характере деятельности своей организации, да и не должны это знать. Они должны видеть цель и идти к ней или, по крайней мере, верить, что идут. А его задача – убедить их в этом.

Когда Армстронг подъехал к редакции, Нортон был занят. Его провели в комнату отдыха – большую, обставленную с кричащей роскошью и заваленную бумажными копиями недавних выпусков. Он лениво начал их просматривать и в первой же наткнулся на кое-что интересное. Заголовок на седьмой странице гласил: «Самолеты пожирают расстояния», и тут же на десятой оказались трагические снимки авиационной катастрофы в Айове, где погибло несколько десятков людей. Расстояние до могилы! Он перевернул страницу. «Виталакс»... «Гильде Брау»... «Час хладнокровия»... «Внешняя оболочка слоновой кости содержит бенадиум, чудесный порошок для ваших зубов».

Армстронг рывком перевернул страницу. «Четыре свободы». «Шелковый магнат предъявляет обвинение Аркадии». «Протест Греции». «Медь на свалке». «Мысль о сегодняшнем дне»... Мысль о сегодняшнем дне... Он моргнул и прочитал заметку, набранную маленькими буквами в небольшом столбце.

«Воистину говорю я вам, будет ли польза людям, если они завоюют весь мир, но потеряют свою бессмертную душу?»

Именно в этот момент в комнату с веселым кличем влетел Нортон:

– Эй, парень, у меня просто зверский телепатический аппетит! – Он остановился, глянул на Армстронга и добавил гораздо спокойнее: – Что с тобой, бедолага?

– Да так, лезет в голову всякий бред, – медленно произнес Армстронг. – Наверное, мне вообще не стоило высовывать нос из лаборатории.

– Отнюдь нет, – возразил Нортон. – У тебя та же беда, что у Кассия, – ты слишком много думаешь. И слишком редко обедаешь в компании, – ввернул он.

– Так. Намек понят. Где ты желаешь обедаться за мой счет на этот раз?

Нортон закатил глаза:

– Ну зачем так грубо?

– Зато вполне в духе нашей беседы.

– Давай тогда его сменим. Предлагаю навестить обжираловку Папазоглуса. Говорят, он готовит мясо каким-то новым способом.

Добравшись до Пятидесятой улицы, они запарковали машину на подземной стоянке и после короткой прогулки по двум кварталам подошли к заведению грека – современному кафе, наполненному аппетитными ароматами.

Мясо «по-новому» оказалось здоровенным, наполовину обугленным бифштексом с грибами. Нортон, по своему обыкновению, расправился с ним так, словно голодал по меньшей мере лет тридцать.

– Уф-ф! – Он откинулся на стуле и обратил на Армстронга лоснящийся сытый взгляд. – Ну вот. Сейчас я не в состоянии даже пошевелиться. Можешь давать работу. Что я должен сделать на сей раз?

– Кажется, пропал Кларк Маршал. Эдди Дрейк считал, что он во Флориде, но так и не сумел напасть на его след. Вот я и подумал, может, кто-нибудь из твоих тамошних газетных

волков раздобудет о Маршале какие-нибудь сведения? Несколько дней назад его видели в Ки-Уэсте.

– Не лучше ли этим заняться полиции?

– Я не могу идти в полицию, у меня нет причин подозревать, что с Маршалом что-то случилось. Скорее всего, он собрал вещички и легким аллюром отправился в неизвестном направлении. Но ведь он – личность заметная, и наверняка кто-нибудь из твоих любителей бифштексов знает, куда он девался.

– Да, он личность известная, верно. Был! Ему трижды выпадало писать о космических кораблях – о номерах первом, десятом и четырнадцатом. – Нортон печально покачал головой. – Бедный старина Кларк! Он пропал после того, как взорвался последний. – Он задумчиво и холодно посмотрел на Армстронга. – Ты никогда с ним не встречался?

Армстронг пожал плечами:

– Я видел только его фотографию и читал несколько давнишних статей. Еще я читал его письмо в газеты, где предрекалось, что номер восемнадцатый тоже обречен. Сдается мне, он здорово скис от несбывшихся надежд.

– Он больше чем скис. Он свихнулся. – То есть?

– У него развилось что-то вроде мании преследования. Он метался по стране с видом первохристианского мученика – от чего-то убегал.

– Или за чем-то охотился?

Нортон с трудом поднялся:

– Послушай. Я не против побегать вместе с тобой за привидениями, делая перерывы для добрых бифштексов. Но не добавляй к прочим своим иллюзиям еще одну: будто Кларк Маршал и всякие бродяги, двоеженцы и прочие выродки, которые где-то скрываются, окажутся в одной упряжке с тобой и что они тоже мечтают ловить призраков. Не воображай, Бога ради, что весь этот дурной мир – твой надежный тыл. – Нортон устало плюхнулся обратно на стул. – Потому что он совсем ненадежен!

– Я все это знаю, – сказал Армстронг. – Мир таков не только для меня. Он ненадежен для кого угодно и для чего угодно.

Сцепив пальцы на сытом брюхе, Нортон снизошел до возражения на последнее замечание.

– Мир? – проворчал он. – Нет! Если не дерутся народы – слава Богу, сейчас этого нет, – то дерутся семьи, наконец, отдельные люди. – Он прикрыл глаза. – И иногда они колотят манекены, просто забавы ради... – Нортон открыл глаза. – Пища! Жратва! – тоном проповедника выговорил он. – Мир постоянен в еде. Весь мир ест – это инстинкт.

– За исключением тех случаев, когда он постится или объявляет голодовку.

– Проклятие! – устало воскликнул Нортон. – Мир постится по религиозным мотивам, голодает по политическим и иногда уничтожает продовольствие по экономическим.

– Хорошо. Ты меня убедил. Мир действительно непостоянен. Ни в чем. А знаешь почему?

– А ты?

– Ха! Любой газетчик это знает, а кроме газетчиков – еще множество людей. Потому, что мир глуп.

– Я бы так не сказал, – заметил Армстронг.

– А я бы сказал. – Нортон удовлетворенно похлопал себя по животу. – Ты слишком долго жил с закрытыми глазами, чтобы видеть, как самозабвенно глуп этот мир. Несколько лет назад один из наших ребят попросил сотню прохожих назвать фамилию матери президента Джексона. Сорок семь ответили правильно – миссис Джексон. Пятьдесят три сказали, что не знают или не могут вспомнить. – Нортон самодовольно взглянул на Армстронга. – В прошлом году двести тысяч русских побывали в мавзолее Ленина, словно это храм Божий. А у французов

появилась мода татуировать на мочках ушей три черточки – за свободу, равенство и братство. Годом раньше, когда император Таиланда сломал ногу, весь двор ковылял на костылях, потому что моду там задают члены королевской семьи. Было время, когда все британские аристократы носили помочи из змеиной кожи по той же самой причине.

– Может быть, но...

– Нет, продолжим, – гнул свое Нортон, не переставая любоваться собой. – Аккурат к двадцатилетнему возрасту начинаешь понимать, что нет на свете невозможных безумств. Ты читал когда-нибудь «Краткий экскурс в историю человеческой глупости» Питкина?

– Кажется, нет.

– Поверь мне, ключевое слово здесь – «краткий». Ни Питкин, ни его сыновья, ни внуки не прожили бы столько, чтобы написать «полный» экскурс. Марафонские танцоры, пожиратели яиц, земляных орехов, любители ходить на шестах были во все века. Глупость восходит к истокам человеческой истории. Пирамиды – такая большая глупость, что тысячи глупцов сочиняют о них глупые теории с первого дня их существования.

– Да не хочу я с тобой спорить...

– Ради всего святого! – взмолился Нортон. – Дай же мне хоть слово сказать! Глупость – понятие относительное. Например, я считаю себя умным, потому что повидал на своем веку немало людей гораздо глупее себя. Но и мой ум относителен, потому что, по большому счету, я тоже глуп, хотя не так безнадежно, как некоторые тупицы. Вообще, на свете немало людей с проблесками ума, которые в состоянии воспользоваться глупостью окружающих. Одни, чтобы облегчить себе махинации, придумывают новые законы – это политики. Другие зарабатывают на жизнь, прикрываясь уже готовыми законами, и становятся журналистами, торговцами, производителями оружия, гадалками на кофейной гуще... Еще они могут запускать ракеты. Третьи доходят до того, что игнорируют любые законы, становятся обманщиками и плутами. – Нортон мечтательно улыбнулся. – Есть старинное изречение, что природа создала мошенников для того, чтобы учить уму-разуму дураков.

– Ты закончил? – дружелюбно улыбнулся Армстронг.

– Да. – Нортон еще раз с видимым удовольствием похлопал себя по животу. – Это бифштекс. Из-за него я так миролюбив.

– Ну, тогда, – продолжил Армстронг, – мне сдается, что твои рассуждения смахивают на бред: ты начал со следствий и прошел весь путь в обратную сторону, к выдуманной причине.

– Выдуманной?

– Именно. С чего ты взял, что это глупость?

– А что же еще?

– Не знаю.

– Вот! – Портов торжествовал. – Ты не знаешь!

– Ну и что? Что доказывает мое невежество?

– Оно ничего не доказывает, – неохотно признал Нортон. – Но оно и не опровергает мою теорию о том, что мир есть, всегда был и, вероятно, всегда будет безнадежно глуп. Видишь ли, слишком уж хорошо в эту теорию укладываются факты.

– Я сочиню тебе десяток таких теорий, – сообщил Армстронг. – И все они объяснят те же факты еще лучше? – Он встал, встретившись с удивленным взглядом собеседника. – Как ты заметил, беда в том, что я слишком много думаю. – Армстронг взял шляпу. – Надеюсь, ты не настолько глуп, что забудешь разузнать о Маршале? – Он помахал ручищей: – До скорого, неспеда.

– А ты – бродяга! – громко крикнул Нортон вдогонку. Хмуро уставившись в пустую тарелку, он облизал губы и вдруг помрачнел еще больше. – О, змей! Он не заплатил за бифштексы!..

Пять дней понадобилось Хансену, чтобы раскопать подробности. С точки зрения Армстронга, дело продвинулось быстро, и его оценка крепкого долговязого детектива выросла до высшего балла.

Раскрыв аккуратно напечатанное послание Хансена, Армстронг тщательно его прочел, вполголоса бормоча отдельные фразы.

«Ирвин Джеймс Линдл, совладелец компании „Рид энд Линдл“ в Уичите, штат Канзас. Сенатор, член Комитета по общественному питанию и Комитета по связям с Латинской Америкой. Принадлежит к Ассоциации производителей сельскохозяйственной техники. Национальной ассоциации производителей... м-м... Вторая авеню... Епископская Капелла в Уичите, Международный Ротари-клуб, Канзасский кегельный клуб, номер 414 Американского Легиона, клуб снайперов... м-м... попечитель Американского движения молодежи...»

Информации оказалось море – Хансен выполнил работу добросовестно. Внимательно изучив пункты, Армстронг пересчитал их и обнаружил, что Линдл состоял членом ни много ни мало тридцати восьми организаций. На другом листе Вомерсли побил этот рекорд – у него было сорок четыре. Эмблтон опустил планку до двадцати одного. Пометив каждое досье соответствующим числом, Армстронг обнаружил, что первым идет Вомерсли с сорока четырьмя, а замыкает список Мервин Ричардс всего лишь с одиннадцатью. Но этого изобилия было далеко не достаточно. Ему понадобится информация обо всех, перечисленных в письме, которое он получил от Куина и переслал Хансену только вчера. А еще кое-что должно поступить от Норттона, Дрейка и других. Тратить время и силы, чтобы решить головоломку на десять процентов, было не в его привычках. Предстоит собрать еще много кусочков, чтобы подобрать ключик ко всей мозаике, разобраться, какие фрагменты пропущены, а может, и узнать, где их прячут.

Пронзительно заверещал видеотелефон, и Армстронг оставил свое занятие. На экране появилось лицо Клэр Мэндл.

– Добрый день, мистер Армстронг!

– Добрый день, Клэр, – отвечивал он с неподдельным энтузиазмом. – Когда мы идем обедать?

– Я заставила вас ждать?

– Почти неделю.

– Простите. Я не думала, что это так срочно.

– Конечно, вы не думали. Вы сама благопристойность! – Он наградил ее насмешливым взглядом. – Но теперь вы убедились, что мои намерения честны...

– У вас есть намерения? – с озорным видом перебила она.

Это вывело Армстронга из равновесия. Он поджал губы, борясь с желанием сказать какую-нибудь едкость. Клэр смотрела на него своими раскосыми глазами, и это никак не способствовало его душевному покою.

– Я говорил вам о них, – тихо произнес он. – Вы мне нужны для представительности. Она улыбнулась и снова изящно кольнула его: – И где же вы хотите устроить представление моей персоны?

– Вы выбираете самые ужасные слова, – пожаловался Армстронг. – Как насчет «Лонг-чампа»?

– Сегодня вечером?

– Да! – прямо расцвел он.

– Ничего себе! – удивилась она. – О какой же науке может идти речь?

– Вы когда-нибудь на себя смотрели в зеркало? – парировал Армстронг.

– Я не имела в виду вашу внешность. Только ваше поведение.

– А! – Он широко улыбнулся. – Это специально – дабы доказать, что действие и противодействие не всегда равны и противоположны.

– Мы можем обсудить этот вопрос позже, – сказала она. – В половине девятого в «Лонг-чампе». Вам удобно?

– Договорились! – Почему-то его голос звучал выше и тоньше обычного, и Армстронг тут же попытался исправить недоразумение: – В восемь двадцать. Вдруг вы придете раньше.

Раньше она не появилась, но и не опоздала. Такси остановилось у главного входа ровно в восемь тридцать; он встретил ее, проводил внутрь, подвинул стул. Под манто на ней было платье из мерцающего зеленого материала, безупречную прическу увенчивал предмет, слишком маленький для шляпки и слишком большой для цветка.

Заметив, что его восхищенный взгляд не отрывается от этого предмета, она сообщила:

– Это просто украшение.

– Вижу! – подтвердил он с полным отсутствием такта.

Слегка нахмурившись и покусывая нижнюю губу, Клэр сменила тему:

– Я просмотрела статьи Боба.

– И что вы нашли? – спросил Армстронг, опустив взгляд.

– Он систематизировал информацию об одиннадцати кораблях, которые взорвались, почти достигнув Марса. Такую информацию, например, как их расстояние от планеты в момент взрыва и последние переданные на Землю данные телеметрии. Главный его вывод представляется бесспорным – корабли разрушились не случайно. Все катастрофы вызваны одной и той же причиной.

– Тот самый слой?

Клэр заколебалась:

– Может быть. – В ее глазах мелькнул тревожный огонек. – Один из кораблей резко вильнул в сторону, видимо из-за внезапного выхлопа бокового сопла. Его траектория сильно искривилась, прежде чем гироскопы вновь вернули его на курс. В результате этот корабль подошел почти на две тысячи миль ближе к планете, чем все остальные. Затем он взорвался.

– И что?

– А то, что данное обстоятельство сильно беспокоило Боба. В его теорию слоев этот двухтысячемильный нырок не укладывался. Естественно, он попробовал заделать брешь и обнаружил, что стоит перед двумя возможностями: либо информация о корабле недостоверна, и в действительности он взорвался на том же расстоянии от поверхности, что и другие, и тогда с теорией все в порядке; либо, если информация точна, – Клэр в сомнении помедлила, – то очень похоже, что корабль уничтожили намеренно. Лазером.

– Как?! – воскликнул он. – Отсюда? За сорок восемь миллионов миль?

– Очевидно, нет. Насколько мне известно, на Земле нет оружия такой мощности. Я вообще не представляю, каким образом можно генерировать лазерный луч в сотую долю от требуемой мощности. – Она на миг задумалась. – Остается только луч с Марса, хотя считается, что Марс необитаем. Впрочем, эта мысль столь абсурдна, что ее вряд ли стоит принимать в расчет. Остается лишь теория Боба, которая, понятное дело, рассыпается, если информация о том корабле точна.

Официант принес заказ, и они прервали беседу. Только когда он удалился настолько, что не мог их услышать, Армстронг сказал:

– Все споры о причинах проистекают от нашего невежества. Или неведения. Корабли передали по радио прорву информации: температура, интенсивность космического излучения, расход топлива и прочее. Но это не то.

Она кивнула в ответ на его вопрошающий взгляд, и он продолжил:

– Как нам узнать главное? У вас есть какие-нибудь соображения? – Это может сделать караван. – Караван?

– Да, и чем длиннее, тем лучше. – Она пригубила из своего бокала. – Пилотируемый корабль-матка, впереди которого один за другим летят зонды. Первый зонд будет приманкой.

Когда он взрывается, следующий за ним отклоняется от курса на заданный угол. Если и он аналогичным образом врежется в преграду, описывает дугу третий зонд. Тем временем корабль-матка, идущий в арьергарде, при первом же взрыве поворачивает к Земле, собирая всю информацию, которую успеет принять от всех зондов. – Она с задумчивым видом водила своим бокалом по белой скатерти. – Даже если эта методика не позволит получить достаточно данных, она, по крайней мере, прояснит один вопрос.

– Какой именно?

– Она установит причину гибели кораблей. Излучение, или же имеет место диверсия. Если диверсия, то никакое, даже самое поспешное отступление их не спасет. Но если хотя бы один вернется невредимым, тогда причиной можно считать слой Мэндла.

– Просто, слишком просто. – Он опечалился. – Это обойдется минимум в двести миллионов долларов.

– Да, я знаю, – искренне посочувствовала она. – Но раз уж информация находится за миллионы миль, кто-нибудь должен рискнуть ее добыть. Ведь другого способа не существует. – Лицо ее посветлело, и она наградила Армстронга ободряющей улыбкой. – Для начала могу ссудить вам десятку.

– Спасибо, не надо, – сказал он. – Если бы две сотни миллионов баксов потребовались для того, чтобы взорвать к чертям всю цивилизацию, их бы быстренько нашли. Но для такого проекта – нет! Десять миллионов на боевой самолет; десять центов на космические исследования – вот такие у нас дела.

Ее прохладная рука легонько коснулась его лапищи:

– Мрачный вы человек!

Он беспокойно заерзал, и она улыбнулась опять:

– Шкала ценностей в нашем мире не так уж плоха.

– Да?

– Безусловно. Вполне естественно, что на оружие деньги дают охотнее, чем на рискованные предприятия. В конце концов, страх – чувство самое глубокое, более... человеческое, что ли, из всех. Избавиться от страха – это гораздо актуальнее, чем удовлетворить любопытство. Если вы посадите на Марс свою ракету, то это не сделает дома людей прочнее, не спасет чью-нибудь жизнь и не будет гарантом свободы.

– Свобода, – усмехнулся он. – Какие только зверства не совершались под ее знаменем! – Он снова занервничал, тяжелые челюсти сжались. – Все зависит от того, что подразумевать под словом «свобода». – Затем он вдруг сменил тон и добавил; – Извините. Мы ведь пришли сюда не затем, чтобы спорить друг с другом? Давайте оставим эту тему.

– Согласна. – Она оглядела людей за соседними столиками. – Где этот газетный волк, который должен меня оценить?

– Его не будет. Я передумал и не позвал его.

– Как же так?

Он попробовал недовольно взглянуть на нее, но не смог придать лицу соответствующего выражения. Grimаса, появившаяся на его лице, заставила ее брови подняться в удивлении.

– Двое – это тоже компания, – сообщил он.

– А ужасная мина, которую вы на себя только что нацепили, должна, по-видимому, означать угрозу?

– Если угодно. Я чертовски скверно разыгрываю сцены.

– Вы думаете, это необходимо?

Он оживился и уверил:

– Нет, конечно! Просто я пытался убежать от своих мыслей и убежал слишком далеко. Совсем как тот человек, которому вырвали зуб, и он смеется, только чтобы показать, что ничего не почувствовал.

– Воистину, странен мужской ум, и извилисты тропы его, – философски заметила Клэр. Она перевела взгляд куда-то за его плечо, глаза ее вдруг сузились, она наклонилась вперед и тихо произнесла: – У моего брата Боба была одна причуда. Может быть, он рассказывал вам. Он не верил в совпадения.

– Да, он говорил мне. Почему вы вспомнили об этом сейчас?

– Потому что именно сейчас я кое-кого увидела. – Ее голова придвинулась ближе. – Через четыре столика позади вас – рыжий, веснушчатый человек в светло-сером костюме. Сегодня утром, когда я вышла из дома, он прошел мимо меня. Я посмотрела на него совершенно случайно, конечно, и забыла бы напрочь, если бы он снова не пересек мне дорогу в тот момент, когда я вышла на улицу вечером. Теперь он – здесь. Три раза за день – это уже многовато. – Она весело усмехнулась. – Если он так же любопытен, как и Боб, и, в свою очередь, запомнил меня, он наверняка подумает, что я против него что-то замышляю.

– Вы уверены, что не ошиблись? – спросил Армстронг, не оборачиваясь.

– Убедена.

– И вы никогда, не замечали его раньше?

– Не припоминаю.

Армстронг немного подумал, затем пожал плечами:

– Может, это какой-нибудь робкий обожатель? Стесняется подойти. Предпочитает восхищаться издалека.

– Не говорите глупостей, – укорила она.

Он снова пожал плечами и взглянул на часы.

– Вы позволите, я выйду на минутку? Скоро вернусь. – Дождавшись ее кивка, Армстронг поднялся и небрежно направился к выходу, по-прежнему не глядя по сторонам.

Снаружи имелась телефонная будка. Войдя в нее, он опустил монетку и стал набирать цифры, следя за экраном.

Автоответчик провозгласил: «Агентство Хансена! Вы можете подключиться к ночной линии связи по четвертому сигналу или записать свое сообщение по десятому сигналу. Один... два... три... четыре...»

– Подключаюсь, – моментально среагировал Армстронг. Крохотный голубой курсор замигал на цифре четыре, послышался характерный звук зуммера.

Затем раздался резкий щелчок, цифра четыре растаяла, и появилось суровое лицо Хансена. На голове у него красовалась шляпа. Он бесстрастно смотрел на Армстронга, не произнося ни слова.

– Уходите или пришли? – осведомился Армстронг.

– Ухожу. Впрочем, никакой разницы. Эта линия включается в любом случае, здесь ли я или нет. – Он холодно глядел с экрана. – В чем дело?

– Я-в «Лонгчампе» с приятельницей. Кажется, за ней следят.

– Ну и что? Нет закона, запрещающего за кем-нибудь следить, особенно за дамой.

– А если это не просто так? Вдруг ей грозит опасность?

– Чепуха! – На бесстрастном лице сверкнули глаза. – Вы начитались дурацких книжек. Но если парень до сих пор не имел дела с полицией, вы ничего с ним не сделаете, пока он сам не схватит вас за горло.

– Просто замечательно! – В Армстронге взвыл боевой дух. – Значит, я позвонил вам просто так, чтобы вы спели мне колыбельную?

– Оторвитесь от него, уходите оттуда.

– Удирать – занятие, недостойное мужчины.

– Или, – продолжил Хансен, игнорируя это замечание, – можно завлечь его в какое-нибудь укромное местечко и пересчитать ему ребра.

– Я уже прикидывал. Это ничего не даст.

– Или, – добавил Хансен по-прежнему невозмутимо, – сделайте то, что обычно делаю я, – сами выследите «хвост» и выясните, кто стоит за его спиной. Всегда лучше знать чужие козыри.

– У меня была такая мысль. Но раз уж я с дамой, я не могу следить за парнем, который следит за ней, тем более что я должен ее охранять. Придется этим делом заняться вам.

– Вы можете оставаться на месте, пока я не приеду? – спросил Хансен.

– Вообще-то мы собирались на выставку на Шестой авеню, но, так уж и быть, подождем, когда вы к нам присоединитесь.

– Мне нужно пятнадцать минут. – Хансен сдвинул шляпу на затылок. – Когда появлюсь, вы меня не видите – понятно?

– Да я вас вообще знать не знаю, – согласно кивнул Армстронг. Выключив монитор, он вернулся к Клэр.

– Четвертый столик свободен, – сокрушенно сказал он, тяжело опускаясь в кресло.

– Боже мой! – воскликнула Клэр, приложив к блеснувшим глазам платочек размером чуть больше почтовой марки. – Вы о том человеке? Ну, вы не лучше Боба! – Отрезвленная его спокойным взглядом, она добавила: – Он вышел сразу за вами.

Армстронг сделал знак официанту. Лучше пока замять это дело. Пусть она успокоится, в ближайшие четверть часа ее ничто не должно огорчать. Но за кем следил рыжий сейчас, за Клэр или за ним?

С минутным опозданием прибыл Хансен в сопровождении Мириам и приземистого малого, на вид отпетого хулигана, в грозящей лопнуть по швам кожаной куртке. Трио с достоинством продефилировало мимо Армстронга, взглянув на него, как на пустое место, и заняло столик в глубине зала, левее.

Болтая с Клэр и одновременно стараясь не пропустить все еще отсутствовавшего соглядатая, Армстронг дал Хансену с друзьями время на то, чтобы пропустить по стаканчику, затем встал и помог своей даме надеть манто.

Они направились на выставку и провели два часа среди впечатляющих голограмм-экспонатов, наблюдая демонстрацию передвижной телеустановки с десятифутовым экраном. Они сошлись во мнении, что цветовая насыщенность и объемность изображения выше всяких похвал. Телевидение почти достигло предела своих возможностей.

Оттуда они направились в ночной бар, а затем Армстронг на своей машине отвез Клэр домой. По дороге ничего не случилось, и до самого возвращения к себе он не замечал Хансена или еще кого-нибудь. Чувствуя раздражение оттого, что ничего необычного не происходило, Армстронг задумался: а не слишком ли он драматизирует всякие пустяки?

Мысленно перебирая детские воспоминания, Армстронг подумал, что всегда и во всем был воплощением нормальности. Ни живостью ума, ни причудливостью фантазий, ни вздорностью капризов он не превосходил любого здорового ребенка. Лишь позже он развил в себе свою одержимость и склонность к мрачным предчувствиям. Почему, почему, почему? Он сердито смотрел в стену, которая, казалось, молча вторила: «Почему, почему, почему?»

Начало светать, затем наступило утро, а он все ломал голову над одними и теми же вопросами, с томительной безысходностью не находя на них ответа. Усталый, он тупо слонялся по квартире, пока наконец в половине одиннадцатого не позвонил Хансен.

– Я потратил на это дело много времени, – заявил Хансен, – зато впервые оказался участником целой кавалькады.

– Что значит «кавалькады»?

– Возглавляли ее вы и ваша подруга. Затем – тип, который следил за вами. Провисев у него на «хвосте» целый час, я вдруг обнаружил, что кто-то висит на «хвосте» у меня. Поэтому мы с Питом разделились, и, таким образом, я отвязался от этого последнего шпика. Он прицепился к Питу, а я последовал за ним. Выстроилась такая цепочка: вы, затем ваш «хвост»,

затем Пит, затем тот, другой тип, затем я. Хорошо еще, что вам не взбрело в голову кататься всю ночь – к утру за вами таскалась бы половина Нью-Йорка.

Армстронг нахмурился. Этот рассказ озадачил его вконец.

– Что дальше?

– Первый отстал, когда вы приехали домой. Топтун отправился на подземную стоянку на Восьмой авеню, пересел в другую машину и поехал вот по этому адресу на Сайпрес Хиллз. – Хансен зачитал адрес, затем продолжил: – Конечно, остальные участники парада тоже побывали на Сайпрес Хиллз: там Пит бросил все и отправился домой. Тот, кто следил за Питом, последовал за ним, но на полпути отстал. Для этого Мириам пришлось проделать прямо-таки цирковые номера с нашим автомобилем. В результате остались двое – этот последний хвост и я. Ни за что не угадаете, куда он меня привел.

– Куда? – осведомился Армстронг.

– Четвертый этаж Манхэттенского банка. Он вызвал ночной лифт с таким видом, будто направляется к себе домой. Дальше идти я не мог.

– А что находится на четвертом этаже?

В первый раз на длинном лице Хансена появилось какое-то выражение: странная смесь разочарования и приятного предвкушения того, что он сейчас скажет своему собеседнику.

– Судя по индикатору, лифт действительно остановился на четвертом этаже. К тому же в окнах четвертого этажа горел свет... – Хансен, словно дразня собеседника, умолк. – Весь четвертый этаж, как оказалось, занимает местное отделение ФБР.

– Что? – вырвалось у Армстронга.

– То, что слышали. – Хансен опять был невозмутим. – И поэтому я считаю своим долгом поинтересоваться: что все это значит и во что вы меня впутали?

– Мне-то, черт возьми, откуда знать?! – Почти сразу Армстронг почувствовал, что произнес не те слова, которые следовало.

– Что ж, в таком случае, – с мрачным скепсисом заметил Хансен, – советую вам съездить туда и самому расспросить ФБР. – Сурово посмотрев на Армстронга, он отключился.

Армстронг сел и стиснул голову руками. Что губит ракеты: лазер с Марса или диверсия на Земле?.. Удирать – занятие для женщин... «Виталакс» даст вам жизнь – даст ли?.. Лучше съездить туда и спросить у ФБР... Сильные руки сохранят мир. Кратер в две мили глубиной и диаметром в пятьдесят...

Я – Озимандис, царь царей, – пристально глядявуюсь а деяния свои – с высоты величия своего и скорби своей...

«Гильде Бра»... «Виталакс»... Лучше пойти и спросить ФБР...

Лучше пойти и спросить ФБР!

4

У человека из ФБР было такое широкое и костистое лицо, какого Армстронгу видеть еще не доводилось. Больше всего он походил на портновский манекен. Сидя за черным полированным столом, он прислонил визитную карточку посетителя к небольшому календарю и принялся изучать Армстронга бесстрастными зеленоватыми глазами.

– Какие у вас проблемы, мистер Армстронг?

– За мной следят. Кто-то из вашей компании. Я желаю знать почему.

– Конечно, это ваше право! – Представитель ФБР едва заметно улыбнулся. – Собственно, мы и рассчитывали, что вы придете к нам после того, как Хансен снабдил вас информацией.

Армстронг откинулся в кресле и едко осведомился:

– Откуда вам известно, чем снабдил меня Хансен?

– Наш сотрудник доложил, что Хансен не отставал от него почти весь вечер. Агент не пытался скрыться, так как Хансен достаточно хорошо нам известен. – Человек за столом опять улыбнулся. – И, без сомнения, он доставил себе некоторое удовольствие, приведя прославленного Хансена сюда.

– Фу! – отвращением выдохнул Армстронг.

– Однако, – продолжил тот, – должен вам сообщить, что вам не о чем беспокоиться. Вас снабдили «сопровождающим» исключительно потому, что мы отечески присматриваем за мисс Мэндл.

– Тогда почему вы предполагали, что я к вам приду?

– Потому что ваш приход доказывает, что у вас нет ни малейшего представления о том, почему за вами следят. Это, в свою очередь, доказывает, что вы не знаете, почему нас интересует мисс Мэндл. – Он отсутствующим взглядом посмотрел на календарь. – Вы рассказали ей о событиях последней ночи?

– Нет.

– Она знает, что за ней следят?

– Не думаю. Она сначала обратила внимание, но затем решила, что это совпадение. – Армстронг почувствовал легкое раздражение. Его собственное маленькое расследование грозило превратиться в нечто значительно большего размаха. – Но почему все-таки вы установили надзор? В чем вы ее подозреваете?

Проигнорировав вопрос, агент пристально взглянул на Армстронга и осведомился:

– Не кажется ли вам, что мисс Мэндл слишком быстро отказалась от мысли о слежке? Не думаете ли вы, что она разыграла спектакль? Ее поведение показалось вам естественным, или она была чем-то взволнована?

Армстронг ответил:

– Любой человек в здравом уме с первого взгляда понял бы, что мисс Мэндл далека от самой мысли о преследовании. Преследовать ее нет никаких причин. Зачем это понадобилось вам?

– А вам? – спросил агент. – Это мое дело, – фыркнул Армстронг.

– Конечно! И наше – тоже! – Федеральный агент встал. – Видите ли, мистер Армстронг, нам нужно убедиться, что мисс Мэндл не осведомлена о некоем обстоятельстве, о котором, как мы надеемся, она не знает. Либо – если она все-таки в курсе дела, то не сообщила ли она о нем кому-нибудь еще. Из ваших слов следует, что мисс Мэндл этой информацией не обладает... – Почему не спросить ее прямо?

– Потому что мисс Мэндл, с ее умом ученого, сразу же осознает значимость предмета. Боюсь, что с помощью дедукции она быстро докопается до истины, чего нам бы не хотелось.

– Значит, эта информация – научного характера?

– Можете так считать. – Взяв визитную карточку, он протянул ее Армстронгу – деликатный намек, что разговор закончен.

Армстронг поднялся и сунул карточку в карман жилета.

– Это имеет отношение к полетам на Марс?

Федеральный агент и глазом не моргнул:

– Сожалею, но в настоящий момент не могу ответить на ваш вопрос.

– Допустим, я сообщу мисс Мэндл, что ФБР наступает ей на пятки?

– Нас больше устроило бы, чтобы вы этого не делали. Но мы не можем принудить вас молчать. – Федеральный агент спокойно рассматривал Армстронга. – Мисс Мэндл, скорее всего, недолго будет нас интересоваться. Но если вы вмешаетесь, мы расценим это как враждебный акт и возьмемся за вас тоже. Тем не менее вы вольны поступать как считаете нужным.

– О, черт! – Армстронг был озадачен и отнюдь не обрадован. – Мне не нравится наш разговор – сплошные загадки и ничего конкретного. По крайней мере, вы могли бы объяснить, почему за нами следил еще и тот тип с Сайпрес Хиллз.

Агент нахмурился.

– Кое в чем нам предстоит разобраться. Впрочем, Хансен тоже не дремлет, и вы, вероятно, узнаете причину почти одновременно с нами.

– Отлично. – Твердо ступая, Армстронг направился к выходу. – На том и закончим.

– Сожалею, но не могу ничем помочь, – произнес хозяин кабинета, когда Армстронг уже закрывал за собой дверь.

Выйдя на улицу, Армстронг направился к ближайшему видеофону, позвонил Хансену и с подробностями пересказал весь разговор.

– Короче, – заключил он, – ФБР «пасет» бедняжку Клэр на тот самый случай, если она обнаружит, что Санта-Клаус – это всего-навсего ее собственный переодетый папочка, и устроит революцию среди разочарованных детишек.

– Вы просто паразитируете на моем уме, – мягко произнес Хансен.

– Что? – Армстронг, моргнув, уставился в бесстрастное лицо.

– Этот толстяк из Бюро надавал вам целую кучу козырей.

– В самом деле? Каких?

– Во-первых, они не могут допрашивать мисс Мэндл, ибо боятся, что она их перехитрит и узнает истину. Во-вторых, они рассчитывают, что одной лишь ее проницательности явно не хватит, чтобы добыть эти факты. В-третьих, они боятся, что она узнает эти факты каким-либо иным путем. В-четвертых, они также боятся, что кто-нибудь, владеющий данной информацией, предоставит ее ей.

– Дальше, – подбодрил Армстронг.

– Они не могут проверить того, кто мог бы сообщить ей эти данные. Почему? Ответ прост: потому что он мертв! Кто же из тех, кто сейчас мертв, был так близок к Клэр Мэндл, что...

– Боб Мэндл.

– Однако вы понятливы. – Темные глаза Хансена твердо, не мигая, смотрели с экрана. – Вне всякого сомнения, она имела отношение к чему-то, чем он непосредственно занимался, а его сестра – нет. Может быть, еще один Манхэттенский проект. Может, правительство где-нибудь на чердаке собирает квантовую бомбу. Не знаю. И будь я проклят, если хочу это знать. Предпочитаю держаться подальше от таких дел.

– Ваше дело – сторона, можете не волноваться, – уверил Армстронг.

– А вы меня не успокаивайте. Я звонил в ФБР еще до того, как вы туда собрались. Мне ответили, что против вас у них ничего нет. – Хансен посмотрел вниз на свой стол. – Только что я получил еще три рапорта. Вы за ними приедете или предпочитаете получить по почте?

– Отправьте почтой, – распорядился Армстронг. Выключив видеофон, он подошел к машине и сел, не заводя мотор. Несколько минут он с отсутствующим видом глядел в ветровое стекло, пока его мозг перетряхивал факты.

Предположим, он позвонит Клэр и решительно спросит... Что дальше? В любом случае, как задать вопрос? «Располагаете ли вы какой-либо официальной информацией, владеть которой вам не следует?» Черт возьми, это глупо! «Говорил ли вам Боб когда-либо то, что он не должен был говорить, и если да, то что именно?» Да ему укажут на дверь, не успеет он и глазом моргнуть!

Она выгонит его, даже если он пустит в ход все свое обаяние, и будет права, трижды права, тем более что, скорее всего, она ничего-таки не знает. С другой стороны, если Боб что-то и рассказал ей, как брат сестре, по-родственному, вряд ли она выложит это по первому требованию совершенно чужому человеку. К тому же подобный инцидент отнюдь не улучшит их отношений. Значит, допрос Клэр Мэндл исключен. Армстронг сразу же выбросил эту мысль из головы.

Что все-таки хочет от нее ФБР? Он чувствовал, что здесь скрывается пропущенное звено его собственной головоломки. Причем звено ключевое. Может быть, ухватившись за него, он вытянет всю Цепь?..

В этом деле спешить нельзя. Самая быстрая дорога к истине – в данном случае – отнюдь не прямая. То, что не должна знать Клэр Мэндл, вероятно, не следует знать и ему. Если об этом умолчали в ФБР, то можно побиться об заклад, что никакой другой бюрократ с ним не разоткровенничается.

Армстронг встрепенулся, решив хотя бы на время выбросить из головы осточертевшие мысли. Доехав до центра, он поставил машину на стоянку и вошел в кинотеатр на Пятидесятой улице. Там показывали кинохронику – отличное средство успокоить разыгравшееся воображение.

Щурясь в полутьме, он нашел свободное кресло, сел и поднял взгляд на экран. Там, посреди живописного ландшафта Северной Дакоты, возвышались свадебные виселицы, многократно раскритикованные как признак безвкусицы и дурного тона. В петлях, пропущенных под мышками, раскачивались бок о бок жених и невеста, глупо улыбаясь в камеру, а священник с козлиной бородкой, подвешенный таким же образом, бормотал соответствующие молитвы. Развалясь в кресле, Армстронг хмуро смотрел на эту сцену.

Кадр сменился. На сей раз беспорядки в Индии. Мусульмане, атакующие процессию буддистов, и вооруженная дубинками полиция, избивающая и тех, и других. Крупным планом – потные, фанатичные физиономии, трупы в сточных канавах. Мимолетные кадры горящего древнего храма, и на его фоне мрачная фигура Великого Бога Ганеши...

Затем спуск на воду «Железного Герцога», крупнейшего английского линкора. Разбитая о борт бутылка шампанского, поднятый флаг и какой-то тип с лошадиным лицом, дирижирующий военным оркестром. Сильные руки защитят мир.

Первый полет нового русского бомбардировщика. Аплодисменты, музыка, дробь марширующих колонн. Сильные руки защитят мир.

Крошечные точки, с огромной скоростью несущиеся по небосводу, – новейшие американские стратосферные истребители, за час покрывающие тысячи миль. Победа, победа, аллилуйя! Сильные руки защитят мир.

Затем последовала круговерть новых фасонов шляпок, платьев и купальников, каких-то бесполезных технических новинок, а под занавес – панегирик новейшему музыкальному автомату – с клавиатурой, позволяющей выбирать нужную мелодию, с экраном, изображающим соответствующих исполнителей. Зрителям и слушателям предлагался рекламный ролик: накурившиеся марихуаны юнцы, терзающие слух шлягером «Крошка, танцуй веселей». Что ж, солидно, восемь ударов на такт.

Его глаза привыкли к полумраку; Армстронг посмотрел по сторонам, изучил поблекшую блондинку в соседнем кресле. Ее челюсти что-то пережевывали, глаза впились в экран, левая нога постукивала в ритм громыхавшему музыкальному автомату. Начальная стадия сонолепсии.

Армстронг глянул в противоположную сторону. Там, вяло раскрыв рот уставясь в пустоту, дергался прыщавый тинейджер, безуспешно стараясь вписаться в ритм.

Толкнув тинейджера локтем, Армстронг рявкнул:

– Брысь!

Юнец перестал трястись и повернул очастую физиономию к Армстронгу:

– А? Что?

– Прочь! – поднявшись во весь рост, прорычал Армстронг. Юнец рефлекторно поджал ноги, но лишь только Армстронг прошел, снова уставился в экран, открыв рот, а мысль о том, что же такое ему сказали, не успев даже оформиться в его голове, бесследно растворилась.

Армстронг отправился домой. Что-то шевелилось и корчило в глубине его сознания, словно искалеченная змея. Таинственное и неуловимое нечто, которое он никак не мог ухватить, ощущение чего-то смутно знакомого и столь же смутно опасного... Обычно, когда на него накатывало такое состояние, он справлялся с ним одним и тем же способом: сначала пытался распознать эту мысль, а потом, потерпев неудачу, от нее избавиться.

На сей раз ему помогла крошечная булавоочная головка, поблескивающая в центре двери, словно глаз насекомого. Остановившись с ключом в руке, он внимательно осмотрел мерцавшую бусинку, затем быстро глянул на верхнюю и нижнюю лестничные площадки. Не дотрагиваясь до двери, он убрал ключ в карман и тихонько удалился.

Очувтившись на улице, Армстронг посмотрел на окна своей квартиры, убедился, что они не светятся, и из угловой аптеки на противоположной стороне позвонил Хансену.

– В мою дверь вмонтирована катодная трубка типа «муравьиный глаз». Она зажигается, если дверь открывают, не воспользовавшись специальным непроводящим ключом. Сейчас эта трубка горит. Кто-то забрался в квартиру.

– Вызовите полицию, – предложил Хансен.

– Сначала я так и хотел сделать, но лотом мне пришла в голову идея получше. Я хочу, чтобы вы позвонили мне домой. Если кто-то снимет трубку, вы скажете, что это полицейская проверка, и попросите позвать меня. Если у них имеется сканер, отключающий экран, вы потребуете его заблокировать. – Он воинственно оскалился. – Это заставит гостей пуститься в бег. А я посмотрю, куда они направятся.

– О'кей, – согласился Хансен. – Хотел бы я знать, чем все это кончится. Начинаем. – Он отключился.

С небрежным видом Армстронг вышел из аптеки и, пройдя по улице, скользнул в темный подъезд напротив своего дома. Ждать пришлось дольше, чем он предполагал. Прошло пятнадцать томительных минут, затем двадцать. Никто не вышел из дома, никто туда не вошел. Армстронг нервничал. Черт возьми, неужели незваные гости почуяли неладное? Но это могло случиться, только если они знают Хансена в лицо. И это тоже весьма примечательный факт.

Армстронг то и дело смотрел на часы. Шла уже двадцать вторая минута, когда на улице внезапно появились два автомобиля. Они с визгом остановились у его подъезда. Из первой машины выпрыгнули четверо полисменов, из второй появился Хансен. Взгляд его был напряженным.

Выйдя из своего укрытия, Армстронг перешел улицу.

– Что-нибудь не так?

– Я звонил три раза, – сообщил Хансен, – но так и не дождался ответа. Вы о себе знать не давали, поэтому я решил вызвать полицию.

– Хм-м!

– Я же не знал, где вы. Может, вы зашли в квартиру и нарвались на неприятности. Так что не обессудьте. Пойдемте, надо посмотреть, что там делается.

Все шестеро поднялись по лестнице и подошли к двери, на которой поблескивал крохотный огонек. Вставив ключ в замок, Армстронг отпер дверь, широко распахнул ее, и в тот же миг могучий полицейский, оттолкнув его в сторону, проскользнул в дверной проем с пистолетом на изготовку, шаря свободной рукой в поисках выключателя. Наконец вспыхнул свет. Полицейский сделал четыре шага, остановился и воскликнул:

– Труп, будь я проклят!

Оттеснив Армстронга, в квартиру вошли остальные. Внутри царил неопиcуемый беспорядок. Дверцы шкафов были распахнуты, ящики выдвинуты, их содержимое валялось на полу. От сквозняка в воздухе порхали бумажки. Даже ковры оказались изодраны в клочья. В центре стояло кресло – в нем покоился труп, и его спокойная лоза жутко контрастировала с хаосом вокруг. Крови на теле не было, и, если бы не упавшая на грудь голова, ничто не указывало бы на то, что жизни в нем не больше, чем в манекене.

Приподняв волосатой рукой подбородок покойника, первый полицейский взгляделся в мертвое лицо.

– Готов! – Он обежал взглядом присутствующих. – Кто-нибудь его знает?

Не сводя глаз с худощавого, посиневшего лица и жестких взъерошенных волос, Армстронг сказал:

– Я не вполне уверен, потому что никогда не встречался с ним лично, но думаю, что этого человека звали Кларк Маршал.

– Тот самый, помешанный на ракетах? – быстро вставил Хансен. Армстронг кивнул.

– Если вы вызовете Билла Нортонa из «Геральд» и покажете ему картинку по монитору, он его опознает. Нортон хорошо знал Маршала.

Взявшись за телефон, полицейский несколько раз набрал номер, затем бросил это занятие.

– Черта с два! Отключен. – Он обвел комнату профессиональным взглядом. – Тот, кто здесь поработал, видать, чертовски спешил. – Полицейский пожал плечами и сказал, обращаясь к своим товарищам: – Я вернусь к машине и вызову экспертов. Попрошу их взять с собой Нортонa. – Он вышел.

Другой полицейский сказал Армстронгу:

– Обычно воры не громят все подряд, а громилы не воруют. Похоже, тут побывали и те, и другие. Что им было нужно? У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет? Если да, то посмотрите, нашли ли они то, что искали.

– Что они могли искать – не представляю, – Армстронг пожал плечами.

Стоявший рядом Хансен улыбнулся и подчеркнуто широко зевнул, на лице его был написан откровенный скепсис. Армстронг обернулся к нему:

– Это правда. Я совершенно без понятия. – Он помолчал, затем со злобным удовлетворением добавил: – Но, если повезет, я скоро узнаю, кто это сделал.

– Ваше доверие в высшей степени льстит мне, – сказал Хансен.

– От скромности вы не умрете, – ядовито усмехнулся Армстронг. – Если бы я полагался только на других, я бы никогда ничего не добился, даже если бы все вокруг так же честно отработывали свой гонорар. Я имел в виду не вас и не полицию. Я имел в виду конструкцию настенных часов.

– О! – Слегка смутившись, Хансен направился к внушительному механизму, висевшему на дальней стене. Теперь, подойдя ближе, он видел, что подвеска была толще обычной, а внутри поблескивало что-то, похожее на линзу. Если бы не замечание Армстронга, он сто раз прошел бы мимо, не обратив внимания на эту деталь. Хансен уязвленно облизал тонкие губы.

Пока трое полицейских с нескрываемым удивлением наблюдали за этой сценой, Армстронг легким движением потянул часы на себя и, услышав щелчок, освободил от фиксаторов и положил их на стол.

В открывшейся нише Армстронг аккуратно разъединил несколько проводов и достал небольшой блестящий прибор, в торце которого была вмонтирована трубочка с линзами на концах. Все это он положил рядом с часами.

– Внутри этой штуки, – сообщил Армстронг, – семьсот футов одномиллиметровой пленки. Ее можно проявить. Эта камера включается, как только срабатывает сигнализатор на двери. Если Бог на нашей стороне, дело в шляпе.

– Ну и ну! – прошептал кто-то из полицейских, затем добавил еще более уважительно: – Вот это парень!

Армстронг немедленно принялся за дело и не успел еще закончить, когда прибыли эксперты и Нортон.

– Это Кларк, ясное дело! – возбужденно сказал Билл. – Боже мой! Я с ним только вчера разговаривал...

– Да? – Армстронг умело заправил кассету в аппарат и начал перематывать пленку. – Он говорил, что придет сюда?

– Я сам направил его к тебе. Я позвонил ему и сказал, что некто Армстронг спятил точно так же, как и он, и хочет его видеть. Сумасшедших тянет друг к другу, верно? Сегодня утром он объявился. Я раз шесть пытался до тебя дозвониться.

– Меня не было дома. Большую часть дня я провел в ФБР.

– Он был как рыба на сковородке, – говорил Нортон. – Вел себя так, словно за ним охотился дух его дедушки. В конце концов я дал ему твой адрес, и он сказал, что поедет к тебе сегодня, только позже. – Нортон провел рукой по взъерошенным волосам. – В голове не укладывается! Он просил дать ему адрес, где его ждала смерть! Надо же!

Поглядывая на часы, Армстронг проявлял пленку.

– "Рыба на сковородке". Что это значит? Он боялся?

– Ну, этого бы я не сказал. Скорее, он был похож на человека, который ждет, что на него вот-вот вденут смирительную рубашку. Как будто он что-то прятал, а что – сам толком не знал. И это чертовски ему мешало. – Нортон всмотрелся в аппарат, над которым колдовал Армстронг: – Что за чертовщиной ты занимаешься? Масло взбиваешь?

– Примерно. Хочу смазать дорогу, чтобы кое у кого колеса забуксовали!

Отгеснив Нортон в сторону, в комнату вошел капитан полиции. – Вы Джон Дж. Армстронг?

– Да.

– Врач говорит, что этот человек умер три-четыре часа назад. Причина смерти пока неизвестна. – Капитан смерил Армстронга взглядом. – Где вы находились в это время?

– В ФБР.

– Вот как? – Капитан от неожиданности вздрогнул. – Если в этом деле участвует ФБР, то, пожалуй, я позволю им прямо сейчас.

– Это было бы весьма кстати, – одобрил Армстронг. Вытянув из бачка конец пленки, он вставил его в электросушилку и, когда капитан вышел, подмигнул Нортону.

Хансен просунул голову в дверь:

– Долго еще? – Минут пять.

– Я включу проектор и подготовлю экран. – Спасибо. – Продолжая перематывать пленку, Армстронг услышал, как в соседней комнате зазвонил видеофон, и флегматично заметил Нортону: – Смотри-ка, они восстановили связь. Держу пари, что это звонит миссис Сондерс из Хартфорда, и она сейчас скажет, что у нее там настоящий погром. Поговори с ней и попроси ее не переживать.

Не успел Нортон сделать шаг, как в комнату вошел полицейский.

– Теперь с телефоном все в порядке. Вам звонят – сказали, что пытаются дозвониться уже несколько часов, какая-то миссис Сондерс из Хартфорда. Говорит, что ваша лаборатория разгромлена и сейчас там черт-те что творится. С ней беседуют тамошние полицейские.

Нортон уставился на полицейского, потом на Армстронга, потом опять на полицейского. С трудом проглотив комок в горле, он выговорил:

– Будь я проклят, если меня прельщают лавры пророка! – Затем он направился к видеофону.

Озадаченному полицейскому Армстронг объяснил:

– Билл ответит. Я так и думал, что лаборатория не избежит той же участи. Вряд ли эти ребята упустили бы ее из виду. – Вставив пленку в микропроектор, он посмотрел в объектив и присвистнул: – Отлично! Ловушка сработала? – И Армстронг направился в соседнюю комнату. Там находились пятеро полицейских в форме плюс четверо экспертов, Хансен и Нортон. Последний как раз закончил утешать миссис Сондерс.

– Она говорит, что все перевернуто вверх дном. Трудно сказать, уцелело ли хоть что-нибудь вообще.

Армстронг хмыкнул, выключил свет и нажал кнопку на проекторе. Яркий луч, прорезав темноту, осветил небольшой экран на противоположной стене. На экране появилось миниатюрное, размером два на три фута, изображение комнаты. Зрители увидели, как дверь медленно приоткрылась.

Какой-то человек осторожно проскользнул внутрь, закрыл за собой дверь, проверил, надежно ли она заперта, и после этого быстро обследовал квартиру. Он был среднего роста и телосложения, с рыжими волосами, одет в серый костюм.

– Парень из Сайпрес Хиллз, – шепнул Хансен, ткнув Армстронга локтем. Тот кивнул.

Подойдя к маленькому деревянному бюро, стоявшему левее двери, рыжий ловко открыл его и быстро просмотрел содержимое. Он явно спешил – ненужные бумаги и документы разрывались и как попало бросались на пол. Очевидно, он не нашел того, что искал. Опустошив бюро, он простучал его со всех сторон в поисках тайников, перевернул и обследовал дно. Затем, убедившись, что в бюро ничего больше спрятано быть не может, человек повернулся к дюралевому письменному столу и с той же лихорадочной поспешностью проделал с ним те же операции. Не повезло ему и здесь.

На секунду он остановился и посмотрел на часы. Бледно-голубые глаза взглянули прямо в камеру, но их хозяин так и не заподозрил, что каждый его шаг фиксируется на пленке. На лице было написано одно только нетерпение.

С новой энергией он принялся сбрасывать с книжных полок книги, основательно перетряхивая их одну за одной. После этого его внимание переключилось на кресла и диван, он перевернул их и тоже простучал. Затем настал черед ковров и паркета, для чего рыжему пришлось опуститься на четвереньки.

Не удовлетворившись, он направился в спальню, пропав из поля зрения камеры, но пленка продолжала воспроизводить шум его движений и звук передвигаемой время от времени мебели. Это продолжалось минуты две, а затем кто-то громко постучал в дверь.

Рыжий вновь появился на экране. Он быстро, по-кошачьи, приблизился к двери, осторожно встал сбоку и, глядя своими тусклыми глазами на замок, приложил ухо к косяку. Достав из кармана предмет, похожий на небольшой фонарь, он сжал его в правой руке.

Невидимый посетитель постучал снова. Рыжий не шевелился. Потом стук раздался в третий раз. Около трех минут рыжий стоял у двери, готовый, видимо, ко всему, а затем... Пленка кончилась. Армстронг включил свет.

– Проклятие! – взвыл полицейский капитан. – Если бы побольше метража!

– Это тот тип, которого мы вели до Сайпрес Хиллз, – заявил Хансен. Он мрачно посмотрел на тело, уже перенесенное на диван и накрытое простыней. – Жаль, что вы не сняли до конца! Хотел бы я узнать, как это случилось!

– Десять против одного, что Кларк не ушел, как надеялся этот рыжий, – предположил капитан. – Он постучал раза три, потом прогулялся за газетой или сигаретами, вернулся, сел около двери и стал ждать, когда вернется мистер Армстронг. А когда взломщик открыл дверь, Кларк застукал его с поличным. Что случилось потом, каждый может себе представить, но этот рыжий – именно тот, кто нам нужен. – Он взглянул на Хансена: – Вы знаете, где он живет?

– Я знаю, куда он меня привел. – Хансен назвал адрес в Сайпресс Хиллз. – Еще за ним следило ФБР. Может, у них информации больше.

– Это мы тоже отработаем. – Капитан повернулся к Армстронгу: – Вам придется отдать этот фильм нам. Боже, что за улика! – Его мясистое лицо выражало восхищение. – Самая изящная ловушка, которую я видел в жизни и которая сработала. Поздравляю! Жаль, что у вас нет другой такой штуки в Хартфорде.

– Найдется и там. Если я вам больше не нужен, то я хотел бы именно туда и отправиться.

– Конечно, поезжайте! Будь я проклят, если у меня есть причины вас задерживать.

– Спасибо. – Армстронг достал ключ от входной двери и протянул его Хансену: – Закроете потом, ладно? Я позвоню вам в контору сразу, как вернусь. – Он снова посмотрел на капитана полиции. – Если появятся люди из ФБР, надеюсь, вы им все объясните.

Кивнув Нортону, который уже спешно царапал в блокноте какие-то каракули о покойном Кларке Маршале, он вышел и сел в машину.

Он ехал очень быстро, но спокойно. Серые глаза с обманчивой небрежностью следили за дорогой, изредка поглядывали в зеркало заднего вида и снова возвращались на стремительно бегущую ленту асфальта.

Через час с небольшим Армстронг достиг развязки, где сходились пять дорог. Такой случай упускать было жалко. Обогнав тяжелый грузовик и увернувшись от двух встречных «седа-нов», он свернул, стремительно описал круг и вновь выскочил на ту же трассу. И, не теряя времени, развернул машину поперек дороги, прямо перед носом зеленого туристского микроавтобуса, который вот уже полчаса следовал за ним как на привязи.

Как ни быстр был маневр, водитель зеленой машины успел среагировать. Увидев перед собой автомобиль Армстронга и заметив, что другая полоса занята приближающимся грузовиком, он резко затормозил и остановился буквально в ярде от преграды. Включив заднюю скорость, он попытался развернуться, но тут уже Армстронг оказался на высоте. Подбежав к зеленой машине, он резко распахнул дверцу и рванул рыжего водителя за левую руку.

5

Подобно многим атлетически сложенным людям, Армстронг имел лишь приблизительное представление о собственной силе. Он выдернул рыжего из-за руля, как куклу, и не успел тот коснуться ногами земли, как огромный кулак ударил его прямо в челюсть. Рыжий, пролетев по воздуху пару ярдов, грохнулся наземь и затих. Словно свечка потухла.

Слегка удивленный тем, что его удар оказал подобный эффект, Армстронг подул на костяшки пальцев, огляделся и обнаружил, что собрал аудиторию. Из грузовика, остановившегося ярдах в пятидесяти, высунулся водитель и с любопытством смотрел на происходящее; какая-то легковушка притормозила у обочины, и непомерно толстая женщина с целым выводком ребятишек тарасила на него глаза, как будто здесь снимают кино. Позади машины Армстронга плавно остановился черный лимузин, из которого не спеша вышли два человека. – Отыскав носовой платок, Армстронг перевернул бесчувственного рыжего лицом вниз, завел ему руки за спину и приготовился связать, когда заметил, что к нему приближается парочка из черной машины. Оба были плечистые парни, но Армстронгу не чета.

Один из них выставил ногу и слегка пнул ботинком лежавшего пленника.

– Вы нас опередили, мистер Армстронг, – заметил он, и в его руке сверкнула золотая бляха. – Мы офицеры ФБР. – Он задумчиво посмотрел на рыжего. – Мы сразу его засекли, как только он увязался за вами. Зря вы так. Лучше бы веревочке виться дальше – глядишь, этот тип размотал бы ее столько, что хватило бы его связать.

– Вы опоздали, – отрывисто сказал Армстронг. – Им уже интересуется полиция.

– О, в таком случае вы выполнили работу на отлично, – признал агент. – Мы бы его запросто взяли, только вот полиция всегда забывает нас об этом попросить. – Он вытащил наручники: – Разрешите? Мы доставим его в лучшем виде.

– Я бы с удовольствием, – отчетливо произнес Армстронг, – но мне не нравится форма ваших ушей.

С этими словами он ударил офицера в зубы. Таким ударом можно было свалить и быка... Человек с глухим стуком растянулся плашмя.

Одновременно Армстронг сделал «нырок». Толстуха, которая, раскрыв рот, все еще выглядывала из окна своей машины, должно быть, подумала, что у него глаза на затылке, так как напарник поверженного офицера, махнув своей дубинкой по воздуху, вдруг согнулся, почти упал на широкую спину Армстронга и тут же был опрокинут на землю. Первый агент попытался встать, и Армстронг прыгнул к нему, одновременно ударив второго ботинком в живот. Это вышло случайно, но удачно, и теперь он мог не опасаться валяющегося в пыли первого.

Быстрота, столь необычная в таком крупном и массивном человеке, казалась, принесла ему легкую победу, но нельзя учесть все. Занятый двумя противниками, Армстронг не заметил, как очнулся рыжий. Тот выбросил вперед ногу – в самый нужный момент, и Армстронг грохнулся на асфальт.

Не в силах вздохнуть, он перекатился на спину и услышал женский истошный вопль. Кто-то схватил его за ноги. Бледно-голубые глаза заглянули ему в лицо, а затем что-то взорвалось в его голове. И сразу все поглотил-мрак...

Сознание возвращалось медленно. Он лежал на траве, а на голове набухла шишка. Тупая пульсирующая боль мучительно отдавалась в глазах. Когда мгла рассеялась, Армстронг увидел над собой водителя грузовика и патрульного полицейского мотоциклиста. Он сел, потирая раскалывающуюся голову, и огляделся по сторонам.

Машина с толстухой исчезла, впрочем, как и машина рыжего и черный лимузин. Его собственный автомобиль стоял на обочине, а за ним притулился полицейский мотоцикл.

– Фу! – выдохнул он, осторожно поглаживая голову.

– Эти парни здорово вас отделали, – смущенно сказал водитель. – Они так быстро смотрелись, что я не успел запомнить номера машин.

– За ними едет мой напарник, – вставил полицейский. – Мы опоздали только на минуту, так что, может, еще успеем догнать. – Он взглянул на Армстронга: – Вы сумеете их опознать? Вы их знаете?

– Нет. Пока не знаю, – мрачно ответил Армстронг. Стараясь сидеть прямо, он сжимал голову так; словно боялся, что она рассыплется на мелкие кусочки. – Двое хотели меня надуть. Представились агентами ФБР. Якобы они меня охраняли. На самом деле они сопровождали третьего.

– Как вы узнали, что они не из ФБР?

– Никогда не слышал, чтобы люди из ФБР разъезжали в иностранных спортивных машинах или использовали наручники европейского образца.

– Значит, им будет предъявлено еще одно обвинение, – размышлял вслух полицейский. – И серьезное – имперсонация представителя закона. В любом случае, я должен представить рапорт. Пожалуйста, ваше имя и адрес. – Повернувшись к шоферу грузовика, полицейский прибавил: – Ваши – тоже, вы свидетель. – Записав данные, он спросил Армстронга: – Далеко вы направляетесь?

– В Хартфорд.

– Не наш округ, но сейчас это не имеет значения. Я поеду за вами следом. Если они за вас взялись, то могут попробовать еще раз.

Усевшись за руль, Армстронг отправился дальше; полицейский мотоцикл стрекотал позади. Вести машину было трудно, на каждый удар пульса голова отзывалась, как чугунный шар. С усилием удерживая набрякшие веки, он всматривался вперед, чувствуя, как внутри поднимается злость. Оказалось, что это была не слишком удачная идея – вот так, с налету, покончить с рыжим. Единственное, чего он добился, – заработал шишку на голове.

Или не только? Продолжая размышлять, Армстронг пришел к выводу, что теперь у него есть вполне определенная уверенность – казалось бы, бессмысленные поиски кусочков им же самим придуманной головоломки вовсе не являются бессмысленными. Общая картина существовала, нужно только ее построить, а для этого – найти и собрать все фрагменты. Его дом и лабораторию обыскали не шутки ради. И рыжий с приятелями не просто так повис у него на хвосте. За всем этим угадывалась цель, и ее можно выяснить, если он, Армстронг, проявит чуть больше упорства и если ему немного повезет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.